

ЖАН-КРИСТОФ
ГРАНЖЕ

ЛОНТАНО

Санкт-Петербург

Jean-Christophe Grange

LONTANO

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. — Paris 2015

Перевод с французского Риммы Генкиной

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

Гранже Ж.-К.

Лонтано : роман / Жан-Кристоф Гранже ;
пер. с фр. Р. Генкиной. — СПб. : Азбука,
Азбука-Аттикус, 2016. (Звезды мирового
детектива).

ISBN 978-5-389-11540-8

18+

После трехлетнего перерыва Жан-Кристоф Гранже вновь радуется своих поклонников первосортным триллером

«Лонтано» со сложной и захватывающей интригой. Знакомьтесь — семейство Морван: отец возглавляет французскую полицию, старший сын следует по стопам отца, младший — успешный финансист и наркоман со стажем, дочка — актриса-неудачница, зато пользуется успехом в качестве эскорт-girl. Члены семьи прочно привязаны друг к другу, тем более прочно, что объединяет их взаимная ненависть. Но вот во Франции возникает череда странных убийств, как две капли воды похожих на те, что совершил знаменитый серийный убийца по прозвищу Человек-гвоздь в семидесятые годы в Конго. Но ведь Морван-отец давно раскрыл те давние преступления. Кто в таком случае орудует во Франции и почему удары приходятся по семье полицейского номер один?! Сумеют ли Морваны противостоять атакам неведомого противника или же падут жертвой собственных страстей?..

Впервые на русском.

© Р. Генкина, перевод, 2016

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Изе и Каито

Белое солнце, красная пыль.

Раскаленная часовня — больше сорока градусов.

Каждый политик, офицер, видный деятель или крупный руководитель выступал вперед, на несколько секунд принимал глубокомысленный вид, а затем отступал тем же торжественным шагом, ослепленный полуденным светом и трескучими вспышками. Позади, за оцеплением из солдат конголезской армии, более-менее приодетые представители народа размахивали пластиковыми флажками с изображением усопшего.

Эрван Морван спрашивал себя, с какой стати его сюда занесло. Никакого отношения к Конго он не имел, хоть и родился здесь. Во Францию его привезли в двухлетнем возрасте, и ни малейших воспоминаний о стране рождения он не сохранил. Его отец Грегуар настоятельно попросил сына присутствовать на похоронах генерала

Филиппа Сезе Нсеко, «старого друга» из Лубумбаши, столицы провинции Катанга. Он согласился. Из сыновнего послушания, а также из странного любопытства.

Стоя во второй группе, среди белых, Морваны, отец и сын, ждали своей очереди. Возвышавшийся над гробом балдахин с цветочными гирляндами и алыми драпировками напоминал гримерку оперной дивы. Портрет Нсеко в золоченой раме венчал траурное ложе, накрытое флагом Демократической Республики Конго: бирюзовый фон, перечеркнутый красно-желтой диагональю с желтой звездой наверху. Погребальная команда и духовой оркестр были обряжены в ярко-красные ливреи. Класс.

Но при ближайшем рассмотрении в глаза бросались некоторые недоработки. Покрытые пылью мундиры были сшиты плохо. Навес установлен криво. Оркестр играл фальшиво, каждая музыкальная фраза заканчивалась писклявым пуком. Тарелками служили простые крышки от кастрюль.

Но хуже всего была жара. Она выжигала

малейшие молекулы жизни, заставляя их скворчать, как сало на сковородке.

Эрван расслабил галстук. Рубашка липла к телу. В горле вкус глины. Перед глазами плывут сиреневые пятна. Впервые в жизни он опасался упасть в обморок.

Стоящий рядом Грегуар — сто девяносто сантиметров роста, сто двадцать кило веса, — затянутый в сшитый на заказ костюм от Эрменеджильдо Дзенни, казалось, обладал иммунитетом к пеклу. Держа под мышкой похоронный венок, он пожимал руки, обворожительно улыбался, удерживал слезу — короче, ломал комедию, не испытывая и тени дискомфорта.

Эрван наблюдал отца в действии: у того было лицо бретонского моряка, дубленое штормами и вырезанное ножом, каким чинят сети. Бычий лоб и греческий нос. Курчавая седоватая шевелюра охватывала его череп как гальванизированный металлический шар. На самом деле Эрван был похож на него — как менее грандиозная, но и менее свирепая версия.

— Али Бонго, сын Омара, — негромко

проговорил Грегуар, когда к гробу приблизился невысокий человек.

Эрван совершенно не разбирался в африканской политике, но уж это знал: Омар Бонго, бессменный президент Габона на протяжении более сорока лет, был одним из самых грозных африканских лидеров и «неизменным другом» Франции, орошающим Гексагон¹ нефтью. Его сын Али подхватил факел.

— Позади него Моисей Катумби Шапве, губернатор Катанги...

Эрвану все они казались на одно лицо, но этот, к счастью, оказался метисом и носил техасскую ковбойскую шляпу. Судя по рассказам, Катумби был местной знаменитостью. Миллионер, филантроп, президент футбольного клуба, он являлся одним из самых популярных деятелей правительства Кабила².

— Ришар Муиеж, министр внутренних дел Конго. Очень опасен.

Накануне за ужином Грегуар Морван сделал маленький экскурс в недавнюю

историю страны. Эрван мало что понял, но запомнил несколько фактов. После геноцида в Руанде тутси³ преследовали милицию хуту⁴ до самого Конго. Они воспользовались ситуацией, чтобы прогнать Мобуту и сделать президентом Лорана Дезире Кабила, который поспешил выступить против своих союзников, развязав Вторую конголезскую войну между регулярной армией, военными-тутси, беженцами-хуту, мятежной милицией, «голубыми касками»...⁵ В 2001 году Кабила был убит, и вскоре ему наследовал его сын Жозеф. Десять лет спустя Демократическая Республика Конго занимает последнее место по классификации ООН, основанной на индексе человеческого развития⁶. Трудно выбрать, где было бы хуже родиться...

— А это...

Эрван уже не слушал. С самого приезда он *ощущал*. Запахи, краски, жару. Они приземлились в Киншасе накануне, в пять утра. Спускаясь по трапу, он окунулся в цвета расплавленного свинца и запахи распада зари.

Пока они добирались до столицы по

«автостраде» (простая дорога без покрытия, почти тропа), взшло солнце. Воздух внезапно стал абсолютно сухим, с затхлым запахом кирпича и плохо очищенного бензина. Когда-то прозванная Красавицей, Киншаса сегодня походила на гигантский вывернутый помойный бак, где кишел муравейник из черных голов и ярких бубу⁷.

Оказавшись в гостинице, Эрван кинулся в свой номер, включил кондиционер на максимальное охлаждение и залез под душ. После нескольких часов передышки — обратно на сковородку: аперитив и обед с отцом у бассейна. Потом снова перелет местным рейсом. По пути в аэропорт начался дождь. Пыль превратилась в грязь, все цвета слились в одну алую реку, затопившую улицы, стекавшую с крыш, забрызгавшую стены. «Рановато для сезона дождей», — изрек Морван тоном медика, поставившего онкологический диагноз.

Четыре часа спустя Лубумбаши, «столица меди», приняла их под тем же проливным дождем. У Эрвана было ощущение, что он плавает в околплодных водах мира. Отец без

всякой иронии утешил его, похлопав по плечу: «Это колыбель нашей семьи, мальчик мой!» Формулировка прозвучала странно: обычно Морван хвастался своей принадлежностью к аристократическому бретонскому роду — Морваны-Коаткены. В гостинице все пошло по заведенному расписанию: аперитив, ужин, бассейн. Вечер был посвящен Сезе Нсеко, оплакиваемому покойнику. Он руководил «Колтано», горнопромышленным предприятием, основанным лично Морваном.

Эрван не вмешивался в ход событий. Среди тревожных криков в ночи он слышал, как трещат, сгорая на неоновых лампах, комары. Подсвеченный со дна бассейн был усеян опавшими листьями и кишел пиявками. Эрван и так уже понял, что жизнь белых в Африке родственна жизни жаб, квакающих вокруг водного источника.

Наутро, когда он проснулся, воздух снова пылал. Кондиционер испустил дух. Эрван едва успел влезть в черный костюм и присоединиться к отцу, который уже держал под мышкой траурный венок на манер

спасательного круга. Он заказал его утром у местного цветочника.

— ...Кенго Булуджи...

— А Кабила, — прервал он отца, — он не придет?

Отец неодобрительно покачал головой:

— Ты пропустил мимо ушей все, что я тебе вчера объяснял. Кабила и Нсеко принадлежат к разным этническим группам. Все равно что пригласить папу римского на конгресс стриптизерш.

Пришел черед белым отдать последний долг.

— Помоги мне, — приказал Грегуар.

Они подхватили венок и заняли место в траурной процессии. Морван продолжал шепотом давать комментарии, на этот раз относящиеся к французам и бельгийцам:

— Вон тот франкмасон. Был министром международного сотрудничества и...

Эрван видел только пятнистые или лысые черепа, морщинистые шеи, густые брови. Средний возраст между семьюдесятью и восьмьюдесятью. Умирующие слоны явились удостовериться, что бизнес будет

продолжаться. Китайцы и индусы замыкали цепочку акул. Новая смена...

Когда они проходили мимо погребального навеса, гигантская рука тяжело опустилась на плечо Морвана.

— Как дела, цыпочка моя?

Африканец ростом с отца стоял позади них. Эрван отступил на шаг. Смех чернокожего перекрыл звук фанфар, и на его, словно отлитом из чугуна, лице засверкала клавиатура ослепительных зубов. Грегуар расхохотался в свой черед, и двое аферюг принялись обниматься.

— Только не говори, что ты примчался издалека ради этой старой сволочи!

— В благодарность за хлеб-соль.

— Ну что ты за скотина! Все же знают, что хозяин здесь один — ты!

— Нсеко был нашим капитаном в бурю.

— Сторожевым псом — это да. Мир его душе. — Он обратил выпученные глаза на Эрвана. — Ты меня не представишь?

— Мой сын Эрван. Генерал Трезор Мумбанза.

От рукопожатия гиганта у Эрвана едва не

хрустнули кости.

— Рад с тобой познакомиться. — Генерал провел пальцами по обритой голове Эрвана.

— Военный?

— Коп. Держу голову в холоде.

— Здесь тебе не поздоровится! Лучше надень шляпу!

Новый взрыв смеха.

Мумбанза стоял спиной к солнцу. Видны были только белки глаз с черными точками зрачков. Эрван подумал о «Заклинательнице змей» Таможенника Руссо.

— Наш друг командует регулярной армией в Катанге, — пояснил Морван. — Вроде местного Пиночета.

— Не надо лести.

— Без него война от Киву⁸ уже добралась бы до Лубумбаши.

Генерал (он был в темном кителе без всяких военных отличий) указал на гроб и перешел на заговорщицкий тон:

— Знаешь, от чего он умер?

— Мне сказали, от сердечного приступа.

— Сердечный приступ на африканский лад. Ему вырвали сердце!

— Кто?

— Тутси. Хуту. Мау-мау... Выбирай сам. А может даже, баньямуленге⁹ или какой-нибудь кадогас¹⁰. Или же вы, белые, втихаря. Кто знает?

— Где это случилось?

— На его собственной вилле. Ему разрезали грудь обычной ножовкой и угостились. По-моему, они даже не потрудились покинуть гостеприимного хозяина, чтобы слопать его сердце. — Мумбанза гоготнул как паровой локомотив, глядя на Эрвана. — Здесь, малыш, пррррравда Африка!

— Кончай свои шуточки, — приказал Морван. — Нагонишь на него страху.

Позади них раздался ропот: они перекрыли дорогу. Эрван поторопился возложить венок. Для молитвы пришлось бы пройти еще раз.

— Кто заступит на место Нсеко? — спросил Грегуар, направляясь к палатке, где был размещен буфет.

— Голосование сегодня после обеда. Генеральная Ассамблея!

— У тебя все шансы...

Мумбанза устало отмахнулся, вот ведь фигляр.

— Не могу же я взваливать на себя все сразу, но если меня очень попросят... — Он внезапно повернул голову, заметив кого-то в толпе. — Потом поговорим. Мне нужно пожать пару клешней.

Морваны скользнули под навес, где выстроились столы, накрытые белыми скатертями. Алкоголь, фруктовые соки, говядина на шпажках, рыба в кляре... Под полотняным навесом витал запах барбекю.

— Убийство, — произнес Эрван, потягивая теплый апельсиновый сок. — Ты поэтому приехал?

— Вовсе нет. Я и в курсе-то не был.

— Наведешь справки?

Грегуар сплюнул на пол: он на глазах превращался в африканца.

— Не мое дело. Негритянские заморочки.

— А он? — спросил Эрван, кивая на Мумбанзу.

— Сменит на посту Нсеко. Не худший вариант... Любитель хороших вин и белых

телок.

Эрван никогда не знал, шутит его отец или нет.

— Знаешь, что спасло Францию во время беспорядков в мае шестьдесят восьмого? — продолжал Морван, подхватывая с подноса рюмку пастиса.

— Нет, — соврал Эрван.

Эту историю он знал наизусть.

Подняв рюмку с настойкой, старик посмотрел сквозь нее на льющийся снаружи солнечный свет:

— «Рикар»¹¹. Когда Франция готова была отдаться в руки гошистов¹², Паскуа¹³ и его клика из SAC¹⁴ организовали демонстрацию в поддержку де Голля. Это-то все знают. Двести тысяч человек на Елисейских Полях, и еще одна революция уничтожена в зародыше! А вот что менее известно: чтобы собрать демонстрантов со всех уголков Франции, завод «Корс» задействовал свои сети. В то время он был представителем марки «Рикар». Все коммерческие контрагенты впряглись и арендовали

автобусы. По приезде в Париж каждый активист имел право на бесплатную рюмочку и ломтик колбасы, а потом — вперед, за дело! — Он поднял бокал за воспоминания. — Во Франции Мао бессилен против пастиса!

Старик поставил рюмку на другой поднос (он никогда не прикасался к алкоголю) и ответил наконец на вопрос, который Эрван так и не задал:

— Скажу тебе, зачем мы здесь. — Он подмигнул. — Чтобы проследить за вашим наследством.

¹ *Гексагон* (Шестиугольник) — одно из названий Франции в ее европейских границах.

² *Лоран Дезире Кабила* (1939–2001) — президент Демократической Республики Конго.

³ *Тутси* — народ в Центральной Африке ([Руанда](#), [Бурунди](#), [Демократическая Республика Конго](#)) численностью около 2 млн человек.

⁴ *Хуту* — народ в Центральной Африке, основное население [Руанды](#) и [Бурунди](#).

⁵ «Голубые каски» («голубые береты») — военные силы ООН.

⁶ *Индекс человеческого развития* (ИЧР) — интегральный показатель, рассчитываемый ежегодно для межстранового

сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала исследуемой территории.

⁷ *Бубу* — длинная туникообразная рубаха, мужская одежда у некоторых африканских народов.

⁸ *Киву* — озеро в Центральной Африке, на границе между Руандой и Демократической Республикой Конго.

⁹ *Баньямуленге* — конголезские тутси, населяющие плато озера Киву (см. выше).

¹⁰ *Кадогас* — ребенок-солдат, как правило похищенный из семьи.

¹¹ *Перно Рикар* (фр. Pernod Ricard) — французская компания, производитель и дистрибьютор алкогольных напитков. Штаб-квартира — в Париже.

¹² *Гошизм* — обобщенное название французского леворадикального движения 1960-х — начала 1970-х гг. Социальной базой гошизма были французские студенты.

¹³ *Шарль Паскуа* — правый французский политик и бизнесмен.

¹⁴ *SAC* (Service d'Action Civique — Служба гражданского действия) — голлистская милитаристская организация. Один из создателей — Жак Фоккар, главный советник Шарля де Голля по вопросам политики в отношении африканских регионов. Важнейшим участником этой организации числился Шарль Паскуа, ставший известным как ментор Жака Ширака. SAC была распущена согласно распоряжению правительства Франсуа Миттерана в 1982 г.

I
МОРВАНЫ
ОТЕЦ И СЫН

1

— Олланд просто мудро, пидор с яйцами всмятку! — гремел Морван. — Черт побери, когда наконец в этой стране у президента будет член, а не веник?

Спустя три дня Эрван ужинал у родителей на авеню Мессины, в огромной квартире, обставленной из Фонда национального хранилища мебели. Пресловутые воскресные трапезы, которые не пропускал ни один член семейства — не ради удовольствия, но из чувства долга.

— Он с собственным компьютером совладать не в состоянии, а ему вручают ключи от страны? И чего от него ждать? Французы натуральные недоумки, и в каком-то смысле они имеют что заслуживают!

Эрван вздохнул. Святейший гнев Падре по воскресеньям был обязательным блюдом, как и то, что готовила мать из тофу и киноа.

На самом деле эти обличительные речи служили только вывеской. Вот уже лет сорок

Старик обслуживал власть, какой бы она ни была, без малейших душевных терзаний. Его любимой присказкой было: «Засову плевать на то, что за дверью».

— Еще немножко табуле? — предложила Мэгги, наклоняясь к Эрвану.

— Мне хватит, спасибо.

По крайней мере, пока Старик громил правительство, он не оскорблял мать. И пока его гнев не перерастал в семейную свару, все были довольны. Эрван знал и другие времена, когда Грегуар выкладывал свой ствол на обеденный стол или грозился выбросить жену в окно, если та не сменит морду лица.

Он оглядел сотрапезников: весь клан в сборе. Гаэль, младшенькая, двадцати девяти лет, рассылала СМС. Лоик, его младший брат, тридцати шести лет, дремал над тарелкой. В конце стола — его дети, Мила и Лоренцо, пяти и семи лет, благовоспитанные и тихие. Пустой стул принадлежал Мэгги, которая продолжала ревностно обслуживать свое племя.

Иллюзия была полной: уважаемая

буржуазная семья, традиционно собравшаяся вместе, как каждое воскресенье. Изнанка выглядела менее привлекательно. Лоик, бывший алкоголик, а на сегодняшний день финансист-миллионер, пристрастился к кокаину и искал спасения в буддизме. Гаэль хотела сниматься в кино и спала со всеми подряд, чтобы «продвинуть свою карьеру». Что до Мэгги, бывшей хиппи и фанатичной матери, она всю жизнь сносила тумаки мужа, никогда не жалуясь и не решаясь развестись.

— Когда же страна двинется вперед? — ораторствовал Морван, не прикасаясь к своей тарелке. — Где те меры, которые призваны оживить Францию? Ничего, ни черта, одно только сотрясение воздуха! Все те же обещания, все та же дурь...

Эрван покачал головой: он надеялся, что эта тирада завершится десертом. Морван был ключевой фигурой данной ассамблеи. Шестидесятисемилетний колосс, наделенный бычьей силой и железным здоровьем, он долгое время в информированных кругах считался лучшим полицейским Франции. И самым неболтливым.

Самоучка, отчаянный гошист, после событий шестьдесят восьмого года он был сослан в Африку. Казалось, его карьера погибла в зародыше, но в Заире он умудрился один и без всякой помощи задержать серийного убийцу по прозвищу Человек-гвоздь, который охотился на представителей белой общины одного из шахтерских городов Катанги. Морван вернулся во Францию в ореоле славы. Он рванул по служебной лестнице, перескакивая ступеньки при Жискаре, и добился окончательного триумфа при Миттеране. Будучи комиссаром уголовной полиции, он осуществлял тайные операции для Дядюшки — такое прозвище получил президент — и постепенно вошел в ранг неприкасаемых. «У меня ни друзей, ни связей, — говаривал он, — зато много-много досье».

Эрван никогда не пытался разузнать о делах отца, но не питал никаких иллюзий относительно его тайной деятельности. Морван убивал, крал, мошенничал, шпионил, шантажировал — и все в интересах Республики. Это его более-менее отличало от

обычного уголовника.

Возведенный в ранг префекта, когда к власти пришел Ширак, он продолжил выполнять свои прежние обязанности на одном из этажей здания на площади Бово¹⁵. Кто ж меняет команду, которая выигрывает. Саркози оставил его на месте, и хотя Морван давным-давно достиг пенсионного возраста, при Олланде он все еще был там, теперь уже в роли советника министра внутренних дел, хотя и не числился ни в одном штатном расписании. Прозванный когда-то Левым Паскуа, он походил сегодня на один из тех лежащих под землей старых снарядов, которые категорически не рекомендуется трогать — вдруг взорвется.

Внезапно Эрван осознал, что тревожный звоночек уже прозвенел.

— Чертова шлюха, и ты называешь это жратвой?

Струйка холодного пота пробежала по позвоночнику. Ругань отца обладала властью мгновенно переносить его в детство. Он уже дрожал. Сердце билось где-то в горле.

— Папа, замолчи!

Морван что-то пробурчал себе под нос. Эрван оглядел сотрапезников: Лоик пребывал в полудреме, Гаэль настукивала на клавиатуре мобильного, дети уткнулись в свои тарелки. Даже Мэгги продолжала подавать с безразличным видом.

— Могла бы и отложить телефон, — бросил патриарх, обращаясь к Гаэль. — Мы за столом.

Молодая женщина и головы не подняла. У нее был профиль примерной школьницы под копной светлых, почти белых волос. Овальное лицо, высокие скулы, неестественно бледная кожа. Как и Лоик, она унаследовала былую красоту матери. Гаэль носила одежду лучших марок, сногшибательно дорогую, но с той рассеянной небрежностью, которая граничит с пофигизмом.

— Эй, я к тебе обращаюсь!

— Что?

— Ты могла бы больше ценить те моменты, когда мы собираемся вместе, и...

— Это по работе.

— В воскресенье?

— Ты ничего не понимаешь в том, чем я занимаюсь.

— Будь уверена, опыта в шоу-бизнесе у меня побольше, чем у тебя!

Она презрительно повторила вышедшую из моды формулировку:

— Шоу-бизнес!

— Эти твои актеры с продюсерами — они все сексуально озабоченные шлюхи и...

— Дорогой, не при детях!

С шокированным видом Мэгги водила по столу щеткой, чтобы собрать крошки.

— Я больше не хочу, — бросила Гаэль, отодвигая свой стул.

— Не смей выходить из-за стола!

Она встала, не ответив. Бояться ей было нечего: Морван никогда не поднимал руку на детей. Ругательства и тумачи приберегались для их матери.

— Гаэль, я тебя предупреждаю...

Она показала ему вытянутый средний палец и исчезла. Лоик, с полуприкрытыми глазами, беззвучно рассмеялся, будто смотрел сквозь затемненное стекло. Мэгги ушла на кухню. Малыши, по-прежнему бессловесные,

казалось, были заинтригованы загадочным жестом.

Пальцы Эрвана вцепились в подлокотники. Ничего не изменилось: только он один был настороже, только он один дергался за всех. Всегда готовый вмешаться, всегда готовый бороться против сил зла в собственном клане. Он был Цербером, псом Аида.

И будто в подтверждение, Морван скомандовал:

— Эрван, ко мне в кабинет!

2

Берлога Старика была заставлена экзотической мебелью и странными пугающими предметами, по большей части из Конго. Вогнутые табуреты, подушки под спину из плетеной кожи, масляные лампы, сделанные из дротиков... Маски, скульптуры, амулеты на этажерках, казалось, вышли из одного и того же ночного кошмара. Головы с выжженными глазами, оскалившиеся острыми зубами рты, женщины с

убийственными грудями...

Гвоздем коллекции, в прямом смысле слова, был набор фигурок, пронзенных металлическими остриями и бутылочными осколками, покрытых цепями, волокнами и окровавленными перьями, — *минконди*¹⁶ из Майомбе, что в Нижнем Конго. Эти статуэтки служили оружием против колдунов и их заклятий. Морван много раз объяснял сыну: *нганга*, целитель, приводил их в действие, втыкая гвоздь или осколок стекла.

В этих фигурках заключался еще один потайной смысл: именно они вдохновили серийного убийцу, которого Грегуар задержал в 1971 году. Душегуб превращал свои жертвы в обрядовые статуи, нашпигованные сотнями гвоздей, осколков зеркала и металлических обломков. Эрван был уверен, что отец украл свои статуэтки в самом логове преступника...

Грегуар снял пиджак. Даже в воскресенье он не изменял привычной одежде: небесно-синяя рубашка от Шарве с белым воротничком, черный галстук, старомодные подтяжки в форме перевернутой буквы «Y».

Он устроился за письменным столом в кресле с высокой спинкой, увенчанной двумя головами антилоп.

— Кэрверек — знакомо название?

— Нет.

— Такое местечко в Бретани.

— Еще одна семейная колыбель?

— Не мели языком. Там есть школа военно-морской авиации. Я пошлю тебя туда завтра. Какая-то история с дедовщиной.

— Ты шутишь?

— Дедовщина, повлекшая смерть человека.

Эрван опустился на стул. Отец открыл ящик стола и извлек из него телекс:

— Курсант спрятался в бункере на острове, чтобы избежать испытаний при посвящении. Просидел там ночь с пятницы на субботу. Но ему не поперло: утром это место было выбрано целью тренировочных стрельб. Все разнесло в клочья.

— Хочешь сказать, в пацана попал снаряд?

Старик протянул ему листок:

— На данный момент это все, что мы знаем.

Эрван пробежал глазами депешу. Историям

отца он никогда не доверял. А эта звучала еще фальшивей обычного.

— Я ничего об этом не слышал.

— Даже Франс Пресс не в курсе. Все решили помалкивать, пока не будет приличной версии.

— И ты рассчитываешь на меня, чтобы ее озвучить?

— Именно.

— А почему не местная полиция?

— Потому что дело деликатное. Посвящение новичка, которое пошло наперекосяк. «Рафаль»¹⁷, угробивший новобранца. И МВД, и Минобороны хотят объективного расследования, проведенного уголовной полицией. Чтобы их ни в коем случае не заподозрили в том, что они пытаются спустить дело на тормозах.

— А я окажусь между молотом и наковальней?

— Послушай, съезди туда, собери факты, напиши отчет. *Basta cosi*¹⁸.

— И в каком качестве ты меня отправишь?

— Спецзадание. Я разберусь с главной

конторой. Придумаю, под каким соусом. Выедешь завтра утром, вернешься в среду. Нужен хороший коп, и я выбрал тебя. Когда военные увидят твой послужной список, они заткнутся.

Ясный намек на его боевое прошлое: за время работы в бригаде расследования и вмешательства Эрван трижды побывал на линии огня. Он убивал. Он был ранен. Есть чем впечатлить служивых.

— Ты хоть уверен в этой истории?

— В деталях нет. Но по словам полковника Винка, директора школы, это несчастный случай. Абсолютно идиотский, но все же именно несчастный случай. Новость, безусловно, не слишком хорошая: от этого дела несет бардаком, а дерьмо забрызгает всех. Твой отчет позволит определить, кому за что отвечать.

Эрван разглядывал утыканную гвоздями статуэтку с широкой плоской головой и очень длинными руками. По словам отца, она призвана вызывать у колдунов конвульсии и смертельное исхудание. Эрван частенько задавался вопросом, не она ли вызвала

анорексию у Гаэль.

— А местные стражи порядка?

— Есть договоренность о сотрудничестве с отделом расследований в Бресте, но за штурвалом ты. В прокуратуре меня твердо заверили.

В комнате раздалось гудение. Заработал телекс. Эта картина была с детства знакома Эрвану: отец, поджидающий сообщений из штаба. Мальчишкой он воображал отца начальником вокзала, следящим за поездами и расписанием, — вот только составами здесь были убийства, изнасилования и прочие преступления всех видов.

Морван оторвал страницу, нацепил очки, пробежал текст глазами и добавил:

— Вечером тебе доставят все материалы. Уедешь на рассвете. Возьмешь с собой одного парня, расходы запишешь.

Эрван перевел про себя: свободен. Он встал, но отец снова открыл ящик:

— погоди. Я хотел поговорить с тобой о другом.

Он выложил перед ним листочки размером не больше стикера. Эрван сразу их узнал:

бланки Управления внутренней безопасности. Анонимная информация, без указания автора или источника. Когда у отца случилось лирическое настроение, он изрекал: «Большие реки питаются маленькими источниками». И действительно, при помощи записанных на бумажке нескольких слов он заставлял содрогаться немало правительств.

Эрван снова сел и взял листки. Имена. Парижские адреса. Даты и время.

— Что это?

— Перемещения твоей сестры за последние два дня.

— Ты установил за ней слежку?

Грегуар гневно отмахнулся и по памяти прочел содержание листка:

— Пятница, 17:00, компания STMS, улица Линкольн, один час. В тот же день, 20:00, Патрик Блан, дом три, улица Дофин, тоже один час. На следующий день, 16:00, Эрве Леруа, дом двадцать два, улица Спонтини. Вечером она была в отеле «Плаза-Атене», потом в «Фукетс Барьер».

— Ну и что?

— Твоя сестра — девица по вызову.

— Может, у нее встречи по работе.

Морван перегнулся через стол. Эрвану показалось, что он слышит, как заскрипели сочленения трона; в нос ему ударил запах дорогого мужского одеколона «Eau d'Orange Verte» фирмы «Эрме».

— Ты что, кретин? Леруа и Блан продюсеры.

— Именно.

— Иногда я себя спрашиваю, что у тебя в башке. Один организует групповухи в Версале, второй занимается эскорт-услугами.

— Он яростно ударил по крышке письменного стола. — Твоя сестра шлюха, черт побери! И можно сказать, скорострельщица!

Эрван отпрянул, как будто ему плюнули в лицо. Грубость отца была ему не в новинку. Шокировало другое.

— Ты пустил за ней слежку из Управления безопасности? За государственный счет?

— Я обязан защищать свою семью.

— Гаэль двадцать девять лет. Она вольна делать что хочет.

Грегуар ссутулился и словно бы съежился

между двумя подлокотниками:

— Я не думал, что твоя сестра, которой я оплатил лучшие школы, самые прекрасные поездки, обеспечил самый надежный блат при поиске работы, станет проституткой, которая отсасывает продюсерам.

— Не надо так говорить. Она хочет стать актрисой и обеспечивает себе возможности, чтобы...

— На данный момент она красуется нагишом в порножурналах.

— Не порно, а секси, не больше. У нее такой способ добиться известности. Ты должен уважать ее выбор. Ты говоришь о ней как о преступнице!

— Ты и впрямь дитя своего времени. Плевать на суть, важно только, *как* об этом говорить. Вы все сдохнете от политкорректности. — Он еще раз ударил по столу. — Чистоплюи сраные!

В его устах худшего оскорбления не было. Убежденный левак старой школы, он ненавидел консенсуальных социалистов, экологов, антиглобалистов — причем из самых благородных соображений. С его

точки зрения, эти святоши воплощали абсолютное зло: буржуа, которые приняли собственную антикультуру, поглотили собственного врага — революцию. Однажды он сравнил этих чистюль с крысами, которые выжили, приняв яд, призванный их уничтожить, и теперь образуют расу, к этому яду невосприимчивую. И он не шутил.

Он поднялся, подошел к окну и встал, заложив руки за спину, на манер Командора:

— Я хочу, чтобы ты с ней поговорил.

— Я с ней уже говорил. Чем больше стараешься ее урезонить, тем сильнее она упрямится. Хотя бы ради того, чтобы сделать нам назло.

— Тогда устрой так, чтобы вокруг нее образовалась пустота. Надави на ее клиентов. Я дам тебе список.

— Ты что говоришь? Я не стану угрожать этим...

Немного успокоившись, отец вернулся к письменному столу:

— Их не так много. Гаэль работает от случая к случаю. Как в театре: не в основной труппе, а на договоре... Если никто не будет

ее вызывать, она уймется.

— Или найдет новых.

— Тогда она настоящая шлюха, и ничего тут не поделаешь.

Эрван встал на защиту сестры, хотя испытывал такое же негодование, что и отец. Избалованный ребенок, который решил изгваздаться в луже. Он тоже поднялся:

— Так чем мне заняться: запугивать продюсеров или собирать кусочки бойца?

— Бретань — это срочно. Остальное — когда вернешься.

Эрван вышел из кабинета, не добавив ни слова, испытывая непривычную нежность к старому зверю. К человеку, который, несмотря на жестокость по отношению к жене и прошлое убийцы, питал безоговорочную любовь к своим детям.

— Чего он от тебя хотел?

Эрван вздрогнул: в темном коридоре стояла мать.

— Чего он от тебя хотел? — повторила она тихим голосом, с растерянностью в глазах.

Она так и не сняла кухонный фартук.

— Ничего, — рассеянно откликнулся

Эрван. — Это по работе.

— Можешь проводить малышей к матери?

— А Лоик?

— Он заснул на диване.

Воскресенья шли своим чередом, не отличаясь друг от друга.

— София дома?

— Позвони ей. Она будет рада с тобой повидаться.

У входной двери стояли уже готовые Мила и Лоренцо, с рюкзаками за спиной — неременный груз для детей разведенных родителей. Мэгги открыла дверь. Ее рукав задрался, обнажив предплечье, все в фиолетовых синяках.

— Это что?

— Ничего. Я упала.

Краткий порыв расположения к отцу превратился во всплеск ненависти. Чувство знакомое, удобное, домашнее. Эрван даже не испытал удивления при мысли, что Старик в свои семьдесят лет продолжает бить жену. Его вывод был куда проще: он отметил про себя, что с возрастом синяки у матери проявляются более явно. Кровоподтеки

приобретали бордовый оттенок и были теперь похожи на родимые пятна.

Он переступил через порог, весело бросив племянникам:

— Кто первый до лифта?

Оба малыша рванулись вперед, забыв поцеловать бабушку.

Эрван хотел было их окликнуть, но Мэгги остановила его:

— Не надо. Это не важно.

— До следующего воскресенья.

Дети приплясывали перед кабиной. Эрван улыбнулся им и погрузился в свои мысли. Он не мог вспомнить никакой беззаботности во времена собственного детства. Он всегда жил в страхе, тревоге и ужасе в ожидании того, что родители в любой момент вцепятся друг другу в морду.

К моменту, когда дверцы лифта раскрылись, он пересмотрел свое суждение, вынесенное во время обеда: ни Лоик, ни Гаэль не вышли сухими из воды. Наркотики брата, сексуальные закидоны сестры были всего лишь реакцией на изначальный травматизм.

В мыслях пронеслось воспоминание: четырехлетняя девочка и мальчик одиннадцати лет жмутся к старшему брату, а тот обнимает их, спрятавшись под кухонным столом, пока родители дерутся. Эрван до сих пор памятью тела ощущал холод кухонной плитки и как дрожали стены под ударами Левого Паскуа.

Он вошел в кабину, испытывая почти успокоительное ощущение: он не один, Лоик и Гаэль в страхе и растерянности по-прежнему прижимаются к нему под кухонным столом.

3

Выходя от родителей, Гаэль обычно блевала.

Она заскочила в кафе, где туалет не слишком омерзителен, на углу улиц Монсо и Лисбон и сделала что нужно. Подростком она перепробовала все возможные техники блевания, от соленой воды до зубной щетки, запихнутой в глубину горла. Сегодня ее рвало по первому требованию. Достаточно было

подумать о чудовищной материнской стряпне, и готово дело.

На улице ей стало лучше. Сентябрь выплачивал неустойку. После хмурого лета и ранней осени несколько солнечных дней были совсем не лишними. Она спустилась по авеню Мессины, наслаждаясь видом. Тени древесных крон дрожали на асфальте. Острые лучики света пробивались сквозь листву. Эта авеню была квинтэссенцией османовского Парижа. Балконы, атланты и кариатиды на каждом этаже нависали над раскидистыми платанами. Гаэль чувствовала себя королевой в аллеях Версаля.

Пройдя по улице Миромениль, она свернула налево, на улицу Пантьевр, и добралась до своего дома. Вокруг было пустынно. Несмотря на яркое солнце, в этих узких улочках ощущалось что-то мрачное. Она долго колебалась, прежде чем выбрать студию, расположенную в нескольких метрах от площади Бово — берлоги чудовища. В конце концов она решила проигнорировать этот факт. Победить врага — значит больше о нем не думать.

Наклонные мансардные стены, небольшие окошки, паркет из широких плашек, по которым так приятно ступать босыми ногами, — она не стала ничего обставлять, потому что хотела, чтобы это пространство было похоже на ее собственное существование: чистую страницу, которую предстоит заполнить. Единственное, чем она дорожила, была ее библиотека. Яркие обложки изданий «Пресс Юниверситер», университетских серий, коричнево-зеленые с позолотой издания «Плеяды», сигарный оттенок очерков Фрейда... Ниже — подборка биографий с яркими пестрыми корешками, по образу и подобию ее собственных увлечений. Гаэль знала все о Ницше и Витгенштейне, но зачитывалась также биографиями Шакиры, Милен Фармер, Аннет Вадим... Она чувствовала себя одновременно революционеркой и женщиной-вещью, интеллектуалкой и простушкой. Пока еще сама не разобралась.

Японский жареный чай. Маска из глины на лицо. Письменный стол. После воскресного обеда и экспресс-блевания третьим

ритуальным действием было наведение порядка в своем профессиональном мирке. Обновление страничек в соцсетях, чтение полученных мейлов, редактирование твитов... Для актрисы очень важно регулярно поддерживать контакт со своими фанами — даже если они не толпятся у дверей. Она отправила СМС своему агенту, чтобы предупредить, что зайдет завтра после - полудня: вот уже несколько недель та не могла добыть для нее ни одного кастинга.

Потом перебрала свой боевой арсенал: резюме, фотографии, публикации в прессе... Она обожала работать за столом, как какой-нибудь мастер-ремесленник. Вылизывала резюме, ретушировала фотографии, копировала отчеты о показах, писала режиссерам... Вся ее карьера сводилась к нескольким строчкам. Однажды она вела передачи о покере на Нете, сыграла несколько ролей второго плана в телефильмах. А еще один раз сыграла тупую блондинку в полнометражной ленте, но ее сцену вырезали.

Получалось немного. Особенно если

учесть, скольких усилий это стоило — сотни кастингов, ужинов, ночей, проведенных в клубах с так называемыми заметными продюсерами. В конечном счете она была далека от того, чтобы зарабатывать себе на жизнь. И еще дальше от грааля актеров: пятисот семи ежегодных рабочих часов — суммы, которая позволяет рассчитывать на пособие по безработице. Поэтому она сводила концы с концами другим способом.

Когда ее подначивали на эту тему, она отбивалась: «Феминизм — это хорошо для лесбиянок и мещанок. Женщины настоящие, у которых нет ни гроша, готовы на все, чтобы выкрутиться, и плевать хотели на паритетное участие в Ассамблее или на то, правильно ли говорить „писательница“ применительно к женщине». А если ей напоминали, что она сама была «папиной дочкой», добавляла: «Я то, чем решила быть. И все начала с нуля».

Гаэль не лгала. С момента совершеннолетия она не прикоснулась ни к единому отцовскому евро. Она даже закрыла свой счет в банке и открыла новый на имя приятельницы — чтобы этот говнюк не мог

перечислять ей деньги.

Да, она подрабатывала шлюхой, но из-за неподкупности и цельности характера.

Кстати, она не считала, что ее чистота может быть запятнана такого рода бизнесом. Ее артистическое призвание оставалось нетронутым. Примерами ей служили Брижит Бардо, Мэрилин Монро, Скарлетт Йохансон. Чувственные актрисы, они *в то же время* были великими артистками. Тело было их козырем, ну и что? Она воображала себя в роли Камиллы, лежащей на террасе виллы Маллапарте в «Презрении»¹⁹, или же Душечкой, соблазняющей Тони Кёртиса на борту яхты в ленте «В джазе только девушки». Искусство, конечно же, но искусство, обладающее формами.

На повестке дня запрос на рабочую визу в США. Рано или поздно любая актриса говорит себе, что удача улыбнется ей за океаном. Гаэль не питала никаких иллюзий, но хотела верить, а главное — попробовать. В случае провала она ни о чем бы не пожалела.

Она взяла свое досье, полистала документы, готовясь к встрече в консульстве.

Все было в порядке. Она собрала свидетельства своих достоинств, серьезного отношения к профессии, надежности в работе. Фиктивные отзывы, полученные в обмен на минеты и бесплатные постельные игры. Она также заручилась обещанием работы в Штатах, что было несложно: продюсеры, которых она знала, имели свои компании и там. Это были те же люди, что выдали ей характеристики для обоих берегов Атлантики.

Эти свидетельства и фиктивные контракты навеяли на нее грусть. Досье было подобием ее жизни: фальшивкой. Но она в очередной раз предпочитала ложь той пропасти, которая разверзлась у нее под ногами, если она допускала хоть на долю секунды, что все ее планы тщетны. Отказаться от мечты — все равно что отказаться от жизни.

Ее глаза остановились на настенных часах — киношная хлопушка с закрепленными на ней циферблатом и стрелками, память о ее единственной поездке в Лос-Анджелес. 15:45. Она вздрогнула. У нее совершенно вылетел из головы назначенный на 16:00 «крупный

план». Именно так она именовала свои интимные визиты по восемьсот евро.

Она бросилась в ванную, смыла маску из глины Мертвого моря. Вспомнила, что ожидающий ее тип — китайский финансист. «План» был ей рекомендован одной сводней-любительницей с авеню Ош. Она подняла голову и глянула на себя в зеркало. Увидев овальное лицо, монгольские скулы и глаза сибирской хаски, она взяла себя в руки и крепко вцепилась в край раковины.

Китаец. Отлично подходит для того, что у нее на уме.

4

София назначила ему встречу в Люксембургском саду.

Эрван припарковался на улице Бонапарта и вошел в сад через ворота на улице Вожирар.

Держа в каждой руке по племяннику, он миновал площадку для игры в петанк, потом теннисные корты: итальянка говорила об игровой зоне чуть дальше. Мысль, что он ее

сейчас увидит, вызывала в нем трепет возбуждения.

Встретив ее в первый раз, Эрван задрожал. Во второй раз — надулся. В третий — что-то забормотал. Потребовалась четвертая или пятая встреча, чтобы он вновь обрел природную сдержанность. Только тогда он смог ее рассмотреть. София не была красивой: она была идеальной. Такая красота достойна глянцевого страниц журналов и киноэкранов, но ее прелести были не для продажи. Она была миллионершей, и принадлежность к высшей касте придавала ей еще больше величественности.

Когда в 2003-м Лоик привез ее в своих нью-йоркских чемоданах, Эрван спросил себя, как этот обдолбанный мозгляк умудрился покорить такую богиню. Отец задал себе тот же вопрос. Как хорошие сыщики, они провели собственное расследование и с изумлением выяснили, что София куда богаче Лоика. Она была дочерью предпринимателя из пригорода Флоренции, который сколотил себе состояние на торговле металлом и женился на графине Бальдуччи,

разорившейся, но отдаленно связанной родством со славными Альдобрандески. София унаследовала красоту отца (физиономию владетельного синьора) и элегантность матери, презрительность одной и жесткость другого. Образование довершило все остальное. Детство в Сент-Морице с немецкой гувернанткой, частная школа в Милане, потом Университет Луиджи Боккони и Миланский университет языка и коммуникаций. Она набралась опыта на Уолл-стрит и наконец открыла для себя любовь в объятиях Лоика.

Морваны поверить не могли. Они были мужиками и в первую очередь копами. У них в голове не укладывалось, чем тип вроде Лоика может привлекать женщин. Его красивое лицо, тонкие руки, обезоруживающая улыбка — этого им было понять не дано. Как и того мистического магнетизма, которым наркоманы всегда притягивают девушек. Порок завораживает, потому что своими антеннами самок они чувствуют, что это притяжение навсегда останется самым сильным. Не говоря уже о

чарующей привлекательности сорвиголовы, который играет со смертью...

Несколько месяцев спустя начались приготовления к свадьбе. Эрван втихую смаковал глухое противоборство отцов. В правом углу — старый африканский лис, суперкоп-махинатор, имеющий загадочные интересы в Конго. В левом — Джованни Монтефиори, по прозвищу Кондотьер, близкий к клану Берлускони и, без сомнения, связанный с кучей мафиозных ответвлений. Две акулы инстинктивно невзлюбили друг друга, потому что представляли два лика одной и той же гнили.

Молодые поженились на дорогом швейцарском курорте Церматт, под снегом, на санях. Дурь отпрысков богачей. Монтефиори снял все окрестные шале, Морван оплатил банкет в одном из палас-отелей курорта.

Отправленный ночевать в сторожку, Эрван тут же решил, что позаботится об этих детях, не знающих жизни. Мало-помалу он приобрел при них законное положение телохранителя — еще один слуга среди

прочих. Ему нравилась эта роль: крепыш в дешевом костюме, этакая напрочь лишенная элегантности безъязыкая скотина, с которой принцесса поддерживает добрые отношения, чтобы защитить «малыша».

Ибо теперь они стали союзниками. София следила за мужем и ограничивала его в потреблении кокаина (он больше не прикасался ни к героину, ни к алкоголю). Эрван отыскивал его, когда тот исчезал на целую ночь, а иногда и на неделю.

С годами ему стало казаться, что теперь он раскусил Итальянку. После великосветских приемов, уик-эндов в Портофино, путешествий на борту роскошных яхт он определил для себя ее пределы. Она любила Лоика, но это чувство не выходило за рамки ее социального класса. Брак был не более чем очередным этапом ее легкой жизни. В сущности, она не была ни высокомерной, ни заботливой: она являлась естественным продуктом итальянской буржуазии, держащейся за свои привилегии и условности своего мира. Запрограммированная машина, идеальная и очаровательная, в которую

забыли вставить главную деталь: сердце.

Он ошибался. Рождение Лоренцо выявило ее настоящее лицо. Великой любовью Софии были ее дети. Лоик оказался всего лишь преамбулой, неизбежным этапом. Но почему она выбрала в качестве производителя наркомана? За его красоту? Улыбку? Ум? Позже, когда она носила Милу, София окончательно сбросила маску. С Лоиком все не ладилось, но ее это больше не занимало. Он свою роль сыграл. Если бы ему не удалось произвести потомство, его бы выставили вон. Или она бы его уничтожила. Как паучихи, которые убивают самца после спаривания.

— Там мама!

Она сидела на скамейке у игровой площадки. Мила и Лоренцо отпустили дядины руки и пустились бегом. Она встала, чтобы обнять их, и поискала его глазами. Кивнула Эрвану, оплатила вход для детей и повернулась к нему.

И сразу шум вокруг, мелькание прогуливающих людей, кружение первых опавших листьев — все отошло на задний план. София предстала перед ним как в кино,

когда камеру наводят на героиню, а декорации становятся размытыми.

Ее лицо, казалось, состояло из золотых созвучий, образующих симфонию, совершенную в каждой детали. Лоб, брови, нос, скулы — все было единой линией, единой восхитительной гладкостью. Белая кожа напоминала идеальную отполированную поверхность морской гальки. Непонятно, как эта плоть могла дышать. Губы, почти бесцветные, казались простой складкой в камне. София и не собиралась скрывать их бледность, а потому не наносила никакой косметики, непринужденно сияя обнаженными чертами. Венчали эту картину длинные темные волосы, расчесанные на прямой пробор, как на старых фотографиях Дэвида Гамильтона. Она скорее походила на фермершубаптистку, чем на итальянскую фифу.

Однако две детали смягчали строгость ее облика. Веснушки на щеках вносили нотку шаловливой юности. Другой особенностью были тяжелые низкие веки, говорившие об евразийских корнях и вносившие нечто

потаенное, вид утомленный и меланхолический, смущающий вашу душу.

— Все в порядке?

— Да, — выдавил он, всегда затруднявшийся связать два слова в ее присутствии.

— У тебя есть пять минут?

Он кивнул, точно солдат, отдающий рапорт.

— Иди сюда. Я хочу видеть малышей.

Эрван проследовал за ней на игровую площадку, предварительно дав кассиру проштамповать себе руку. В ушах звенело, сердце то замирало, то бешено колотилось. Он не чувствовал почвы под ногами и решил было, что это от волнения. Потом понял, что площадка покрыта толстым слоем мягкого каучука, чтобы дети не поранились, если упадут.

«Расслабься же, черт тебя подери, — тихонько велел он себе. — *Расслабься*».

София нашла свободную скамейку.

— Лоик не смог прийти?

Вопрос она задала только ради удовольствия лишний раз указать на несостоятельность своего бывшего.

— Он занят по работе.

— Ну да, после кокаина своего отсыпается.

Неплохое начало. Эрван, не отвечая, сел рядом. Она неприязненно поглядывала на суету на игровой площадке:

— Не знаю, кто придумал воскресные походы в парк, но, на мой взгляд, это одна из причин бросить ребенка в роддоме.

София, образцовая мать, любила маленькие провокации. Она переняла эту манеру парижанок: обожала соленые шуточки, говорила прямо обратное тому, что думала, ради единственного удовольствия сострить или непонятого удовлетворения оттого, что выставляет себя стервой.

— По крайней мере, — заключила она, — у развода есть свои положительные стороны: все неприятное делится на двоих.

У нее был тонкий голос, не гармонирующий с ее лицом скорбящей

Богоматери.

— А как дела у тебя? — спросила она дружеским тоном.

Он вымучил какие-то банальности о своей поездке в Африку. Она покачивала красивой головой, на самом деле почти не слушая. Ему самому было неинтересно то, что он говорил. В уголке сознания он всегда задавался вопросом: догадывается ли она о его чувствах?

Пока София жила с Лоиком, он держал ее на расстоянии. Теперь, когда пара распалась, он позволил себе роскошь влюбиться в нее. Шансов у него было не больше, чем раньше, — а может, и меньше. Но именно потому ему и нравилась эта безнадежная, ни к чему не обязывающая страсть.

— Ты знаешь, что я жила в Африке? — небрежно спросила она.

Ее черная шевелюра переливалась под зеленой листвой каштанов.

— Вот так новость!

— У моего отца были там дела.

— Какие дела?

— Металлы, как всегда.

— В каких странах?

— В бывших итальянских колониях. Эфиопия, Сомали, Эритрея...

Он попытался представить себе маленькую девочку, резвящуюся на латеритных²⁰ тропинках у подножия гигантских плюмерий²¹, но быстро опомнился. Она все выдумала: он прекрасно знал, где она выросла и где училась.

Она рассмеялась — снова искренне, по-товарищески.

— Несу всякую чепуху, — призналась она. — В жизни там не бывала. У тебя ведь есть на меня досье?

Вместо ответа он улыбнулся. Едва он приближался к ней, его охватывала неодолимая апатия. Не оставалось ни сил, ни энергии, хотя нервное напряжение так и пульсировало под кожей.

Неожиданно Мила и Лоренцо бросили свои игры и прибежали требовать полдник. Эрван пошарил в кармане в поиске монет, чтобы купить им мороженое, но София уже достала из сумки — винтажная вещица от Баленсиаги

— печенье и «Актимель», которые они проглотили в одно мгновение. И исчезли с той же скоростью, что и появились. После мрачного обеда у бабушки с дедушкой они возвращались к жизни.

— Когда я была беременна, — продолжала София, провожая их взглядом, — я была такой же, как многие красивые женщины. Мечтала, чтобы это скорее закончилось и я снова стала такой, как раньше. Я не желала ни набрать хоть один лишний килограмм, ни пропустить хоть одну вечеринку. А главное, я хотела все держать под контролем. Но ребенок в твоём животе уже все за тебя решил. Может, он сам и решает, когда появиться, а?

Она прикурила сигарету. Детская площадка — последнее место, где нечто подобное можно проделать, но он любил ее и за это: за беспечную — и вполне естественную — манеру навязывать другим свою волю.

Почти мгновенно перед ними воздвиглась мать семейства с перекошенной физиономией и сжатыми кулаками:

— Вы что, с ума сошли?

Эрван, даже не вставая со скамейки, продемонстрировал свой бейдж с триколором:

— Полиция. Отойдите, пожалуйста.

Та застыла на несколько секунд, не зная, что сказать.

— Отойдите, или я устрою повальную проверку во всем парке!

Растерявшая свой благородный пыл дама побагровела и убралась, не говоря ни слова.

— Ну и рожа у нее была! — прыснула София.

Эрван улыбнулся в ответ. Он был доволен своим маленьким подвигом, но куда приятней было бы развлечь ее разговорами. Если надо закадрить официанток или продавщиц, ему равных нет, но перед ней он пересыхал, как печь для пиццы.

— Когда ты познакомишь нас со своей невестой? — осведомилась она, будто прочитав его мысли.

— У меня сейчас никого нет.

— Я иногда спрашиваю себя: ты коп или монах?

Снова он не нашелся что ответить и

предпочел уставиться на орду ребятишек, которые с жутким гомоном носились во все стороны. Мила и Лоренцо болтались на тарзанке.

Заметив, что Эрван не реагирует на ее подколы, София заговорила о своем отдыхе в Тоскане, потом о многочисленных поездках из Парижа в Милан и обратно. Она собиралась создать дизайнерскую фирму — изготовление и продажа итальянской мебели. Эрван знал, что так или иначе она придет к единственной действительно важной для нее теме: войне, которую она вела против Лоика ради получения развода и опеки над детьми. По неясным мотивам его брат отказывался официально оформить их расставание.

— Я кое-что тебе принесла.

Она достала коричневый конверт формата А4 и открыла его: там лежали фотографии Лоика, общающегося с какими-то явно подозрительными типами. Незачем было рассматривать дважды, и так понятно, о чем речь: его брат покупал наркоту у второразрядных дилеров. Дата и время были указаны в уголке каждого снимка.

— Ты установила за ним слежку?

— Только когда он с моими детьми.

— У тебя с головой не в порядке?

— Это у него с головой не в порядке. По моим подсчетам, он сейчас на дневной дозе в пять граммов. — Она взяла одну из фотографий и сунула ему под нос. — Видишь это? Сделка происходит на паркинге в Ле-Аль около одиннадцати вечера. Если приглядишься, увидишь спящих в машине детей.

Эрван вернул ей снимки. София снова прикурила сигарету. Зажав ее губами, она нервно запихала фотографии обратно в конверт и снова сунула ему в руки.

— И что ты хочешь, чтобы я с ними сделал?

— Начни расследование против Лоика.

— Я в угрызиске, — заметил он ледяным тоном.

— Обратись к коллегам из наркоконтроля. Пять граммов — это больше, чем для личного пользования, это запас для торговли. Он может считаться...

— Ты сейчас говоришь о моем брате.

— А еще об отце моих детей. О наркомане до мозга костей, который утверждает, что в состоянии оставлять себе детей каждую вторую неделю, отводить их в школу, кормить, заботиться о них при любых обстоятельствах и...

Он резко встал:

— Можешь на меня не рассчитывать.

— Друг за друга горой, так?

— У Лоика свои недостатки, но...

— Свои недостатки? Он жалкая развалина. Я заснуть не могу, когда они с ним. Господи, это же просто здравый смысл!

Тревога исказила черты его невестки. Свет вокруг них переменялся. Ртутные отблески мелькали среди листвы. Будет гроза. Настил под ногами показался Эрвану еще более неустойчивым.

— Делай что хочешь. — Он постарался придать голосу твердость. — У тебя есть эти фотографии. Наверняка есть и свидетельские показания. Отдай все своей адвокатессе. Она знает, что делать.

— Клан Морванов: плечом к плечу против угрозы.

— Твои дети тоже Морваны. Повторяю, не рассчитывай на меня.

Она тоже поднялась, яростно запихивая конверт обратно в сумку от Баленсиаги. В этот момент прогремел гром, и с такой силой, что задрожали портики. Дети закричали, многие бросились к матерям.

Эрван поискал глазами племянников, чтобы попрощаться, но не нашел. Ну и ладно. Внезапно тучи с облегчением вывернули свое утро. Ливень обрушился с безудержной силой.

— Позвони, если я буду нужен, — сказал он Софии, — но только не для такого дерьма.

Она бросила сигарету и пристально посмотрела на него. Когда она сосредоточивалась, ее глаза под тяжелыми полуопущенными веками чуть заметно косили. Несколько секунд он видел ее такой, какой она была, — без поэтических прикрас и фантазмов. Папина дочка, выросшая в комфорте, любви и беззаботности, женщина, которой теперь пришлось столкнуться с горькой реальностью.

Не сделав и пары шагов, он насквозь

промок. Тем лучше. Он испытывал потребность смыть с себя всю эту грязь. Отец, который установил слежку за собственной дочерью, чтобы подсчитать, с кем и сколько она трахается. Невестка, которая шпионит за его братом, чтобы подсчитать, сколько кокаина тот потребляет.

Садясь в машину, он решил, что Бретань и впрямь пойдет ему на пользу.

Воздуха! Воздуха с морским йодом!

6

Он любил бывать здесь.

Под этим прогнившим мостом, в запахе мочи и горелого жира.

Он, Лоик Морван, финансовый вундеркинд, директор самых известных в Париже хедж-фондов²², любой костюм которого стоил не меньше пяти тысяч евро, а машина — «Астон-мартин V12 Vanquish» — больше трехсот тысяч, чувствовал себя уютно только в таких клоаках, где гнездились всякое

отребье и куда забегали вколоть дозу.

Простое возвращение к истокам. Он признавал только одну родословную: наркотик. На сегодняшний день он почти с этим справился — «почти» было правильной оговоркой, потому что именно сейчас он ждал дилера под железнодорожным мостом, на углу улиц Крима и д'Обервилье, — но он никогда не забывал трущобного мрака своих юношеских лет.

Вынырнув из ступора у родителей, после обеда, он испытал привычную паническую атаку. Грудь сжимает, голова в огне, руки как две ледышки. Он спросил о Миле с Лоренцо, поцеловал отца и мать и смылся.

Позвонил, назначил встречу. В такие моменты он боялся только одного: что кончатся запасы. По мнению его психиатра, прогресс налицо: теперь он обходился одним-единственным страхом, пусть совершенно необоснованным (кокаин всегда был распихан по его карманам, лежал в бардачке и еще дома), так что от этого страха всегда находилось подручное средство, а значит, и скорое избавление.

Под мостом, как всегда, никого не было.

Он запер машину и устроился поудобнее в своей скорлупе. Дождь утих, но вода еще стекала с бордюров железнодорожных путей над ним, словно из гигантской капельницы. Он включил кондиционер до отказа (ему хотелось замерзнуть) и, спасибо окружающей обстановке, позволил нахлынуть воспоминаниям.

Грегуар Морван желал, чтобы его сыновья стали настоящими бретонцами, а значит, мореходами. В «Гленаны»²³ их записали с шести лет. Интенсивные тренировки каждое лето. Эрван, упрямец, отказался продолжать. А Лоик, как примерный ребенок, стал лучшим в группе. Швертботы. Килевые яхты. Катамараны. Годы шли, кубки выстраивались рядами...

Старик ликовал: наконец-то в семье появился пацан, который умеет держать курс! Бретонец, разрезающий волны! Лоик к своим триумфам относился сдержанно. Он выигрывал регаты с рассеянной улыбкой, трофеи принимал смиренно, к заигрываниям

«папиных дочек», которые вились вокруг него, относился с робостью. Серьезные вещи происходили не здесь.

Когда весь день рулишь, к вечеру заруливаешь в бар. Очень быстро Лоик заработал и иные знаки отличия: самый юный алкаш побережья (в двенадцать лет), самая луженая глотка всего Финистера (в тринадцать), самая долгая пьянка в Ле-Конке (семьдесят два часа, в пятнадцать)...

Свой порок он перевез в Париж. Дела пошли хуже, и воцарилась скука. От рюмочки к бутылке, от бутылки к полутора литрам, он надирался за несколько минут. Любая вечеринка оборачивалась этиловой комой, прерываемой рвотой. Тогда он открыл для себя кокаин, чудо-вещество, устраняющее нежелательные последствия алкоголя. Порошок позволил ему умножить объемы, поглощаемые за ночь. И держаться до утра, вдоволь наслаждаясь этими проспиртованными часами.

Он получил аттестат в семнадцать лет, чудом, и записался на экономический факультет. Его отец нацелился на Институт

политических исследований и — почему бы нет — Национальную школу администрации. Лоик хотел заработать денег, и быстро. Он выпивал по несколько литров за день — истинная доза клошара, — вот только предпочитал водку, а не винище. Окружил себя парнями того же сорта, алкашами со студенческим билетом, которые на глазах скатывались все ниже, с угробленной печенью и пропитыми мозгами.

В Бретани отныне он был больше известен своими питейными подвигами, чем моряцкими лаврами. Он утверждал, что за штурвалом не пьет. Врал: он прятал бутылки и кокаин в трюме, выходил в море в одиночку, бездумно и наобум. Разумеется, победы случались все реже, спонсоры повернулись к нему спиной: его во всех смыслах списали на берег.

Плевать он хотел. Ему было двадцать, и он жил в наркотическом тумане. Крэк, гашиш, дурь, поперсы, бупренорфин, трихлорэтилен... сколь обширные области еще предстояло покорить. На свой манер он оставался мореходом. Искателем

искусственного рая.

На рейвах он пристрастился к экстази. И столкнулся с новым типом похмелья: после двух дней транса приземление было жестким, от депрессии до суицидальных порывов. И снова он нашел средство: укол героина с утра в понедельник. Благодаря герычу все долги списывались, и можно было начинать по новой. Но герыч не был бескорыстным другом. Лоик подсел за несколько недель. А через несколько месяцев он катился к смерти.

И речи не было об институте или работе. На счете в банке ноль, отец перестал платить за аренду студии. Лоик начал трахаться направо и налево — женщины, мужчины, без разницы, лишь бы хватило денег на дозу.

Но однажды, без всякого видимого объяснения, наркоты для него ни у кого не оказалось. Все было как в фильме «Потерянный уик-энд», когда Рей Милланд безуспешно ищет выпивку и не находит ни одной открытой лавки. И тогда он понимает, что сегодня Иом-кипур, то есть Судный день, а евреи в святой день не работают. Для Лоика Иом-кипур теперь наступал каждый день, и

он не понимал причин такой катастрофы. Объяснение он получил из уст собственного отца.

Отследить попойки сына невелик труд для копа, который распутал сеть терактов на улице Ренн²⁴ или арестовал ребят из «Прямого действия»²⁵. В первые годы он все оставлял как есть: пусть перебесится. Но когда в нем созрела уверенность, что Лоик-серьезно подсел на наркоту, он довел до сведения дилеров: любой, кто продаст снежок или что другое его сыну, окажется за решеткой. Или на кладбище.

Лоик дошел до ручки. Агония вперемешку с ломкой, неутолимый голод по наркотику, выпивке, колесам, когда он принимал все, что попадалось под руку. В один прекрасный день он встретил собрата по наркоте в том же состоянии, что и он сам. Тот не переставая твердил: «Я знаю выход». Он повел Лоика к себе, все так же повторяя: «Я знаю выход». В огромной родительской квартире, расположенной рядом с фешенебельным Трокадеро, Лоик понял, что это за выход:

отец наркоши, который отказывался дать хоть грош. Парень умолял, грозил. В конце концов он пошел за молотком и проломил отцу череп. Обыскал его карманы и взломал ящики секретера, чтобы достать оттуда еще несколько пачек.

Трясаясь в ознобе и судорогах, Лоик, не шевелясь, присутствовал при этой сцене. Повсюду кровь, на паркете мозги, на стенах осколки костей. Убийца убежал, Лоик спрятался в комнате младшей сестры (как раз школьные каникулы). Наконец парень вернулся с несколькими дозами. Каждый вколол себе от души, в окружении кукол Барби и детских колясок, и оба заснули на бледно-розовом паласе.

Когда Лоик пришел в себя, он увидел рядом Морвана.

— Все хорошо, мой мальчик.

Люди в белых комбинезонах вылизывали палас, очищали все поверхности, вытягивали пылесосом малейшие частички. Другие вводили наркотик его неподвижному знакомцу. Прежде чем потерять сознание, Лоик понял, что они убивают брата по

наркоте.

— Все хорошо...

На следующий день Морван предложил сыну сделку. Он стер его преступление, провел губкой — в самом прямом смысле слова. Теперь сын должен склонить выю и отправиться поправлять здоровье на Антильские острова. Лоик согласился, не выдвигая никаких условий.

На этот раз наивняком оказался коп. Морван до сих пор полагал, что в тропическом раю придерживаются здорового и воздержанного образа жизни. Однако в портах, где причаливают прогулочные суда, наркотики можно найти без труда. Шкипер, красивый парень, бисексуал, Лоик был просто находкой для определенного типа круизов. Хочешь — колись, хочешь — нюхай, а хочешь — групповуха в кабине или парное кувырканье в морской воде...

Он вновь поплыл в ад, на этот раз вне досягаемости отца. Дрейф занес его аж на Андаманские острова, а потом в Бенгальский залив. Он очутился в Калькутте, снова доведенный до точки, готовый на что угодно,

лишь бы понюхать хоть ватку от старого шприца.

И тогда его спас другой человек...

По стеклу постучали. Лоик, погруженный в свои мысли, подскочил на сиденье. Ушлая рожа пыталась разглядеть, что внутри кабины. Дреды, желтая изъеденная кожа, зубы в последней стадии... Со своими средствами и связями Лоик мог подыскать себе дилеров куда презентабельней, но он как раз предпочитал вот таких жутких образин. Наркотик — это мерзость. Но он его сущность и топливо. Придавать ему респектабельный лоск? Исключено.

Он отпустил стекло и протянул свернутые в трубочку триста евро мелкими купюрами. Тот передал ему пластиковый пакетик. Когда Лоик хотел поднять стекло, зомби его заблокировал:

— Клевая тачка.

— Отпусти.

— Не прокатишь меня, красавчик?

Лоик был самым большим трусом, какого носила земля. Но, чувствуя себя в

безопасности в своем укрытии из жести и стали, он повел себя воинственно:

— Вали отсюда!

Парень ухватил его за воротник и взмахнул лезвием. У Лоика возникло ощущение, что он растекся лужей горячего дерьма по коже сиденья, но его левая нога сработала отдельно от него. Рефлекторно он включил вторую скорость. Правая нога нажала на акселератор. Машина рванулась вперед с ревом, усиленным стенами туннеля, — дилер с воплем отскочил.

На бульваре Макдональд Лоик высунул голову наружу и с облегчением вдохнул освеженный ливнем воздух. Порт-де-Клиши. Порт-д'Аньер. Никуда не сворачивая, он доехал до бульвара Малерб и, совершенно выдохшийся, остановился на площади Ваграм.

Он вытряс снежок из пакетика для морозилки, приготовил себе дорожку на тыльной стороне ладони, как делают все, кто спешит, отметил, что порошок пахнет мочой, а его текстура плотная и сухая. Хорошие признаки...

Вдох. Один. Второй. «Настоящая жизнь проходит через нос, — сказал ему как-то режиссер порнофильмов гонзо²⁶ в одном ночном клубе. — Все остальное только сентиментальные бредни».

Он почувствовал себя лучше. Мускулы расслабились, грудная клетка расширилась. Все тело перешло к гипервентиляции. Воздух из кондиционера, по-прежнему ледяной, проникал через каждую пору, словно долетевшее дыхание Северного полюса. Он задрожал и занюхал еще одну. Ткань рубашки прилипла к телу. Он отлепил ее и встряхнул воротник. Затхлый запах пота, смешанный с запахом его одеколона и кокаина, вырвался наружу.

С некоторым запозданием он заметил, что плачет горячими слезами, и из носа тоже текло, вымывая порошок, который он только что втянул. *Вот дерьмо.* Он вытер глаза, ноздри — пальцы стали красными. Он повернул к себе зеркало и обнаружил рожу бледного клоуна, в разводах порошка, крови и слез.

Толчком локтя (он не хотел изгваздать

алюминиевую приборную панель) он открыл бардачок и достал пачку бумажных носовых платков. Вытащил один и заткнул ноздри. Пришлось просидеть долгие минуты, откинув голову на подголовник.

Когда кровотечение вроде бы унялось, он нашарил в кармане флакончик с водно-спиртовым гелем, протер руки и умыл лицо по старинке, как когда был маленьким и мать утирала ему мордашку, поплевав на платок.

Наконец он пришел в себя и был готов ехать, включил первую скорость.

Настоящая жизнь проходит через нос...

Сколько он еще продержится в таком темпе?

7

Эрван жил в двухкомнатной квартире на третьем этаже современного дома на улице Бельфон, в Девятом округе. Сам квартал не вызывал в нем никаких эмоций. Ни улица Мартир, ни площадь Сен-Жорж не оказывали на него своего чарующего воздействия, но

точно так же его не смущали мрачные магистрали вокруг вокзала Сен-Лазар или площади Клиши. Ему было важно только то, что улица его спокойная, соседи невидимы, а парковка включена в арендную плату.

Семьдесят квадратных метров, обустроенных по вкусу копа: гостиная служит кабинетом, вторая комната — спальня, открытая кухня в американском стиле, где он ел стоя. Мебели мало, стены пустые, никаких украшений. Единственный пункт: чистота. Он платил за предельные деньги уборщице, которая приходила дважды в неделю, и сам затевал уборку каждые выходные. Он жил в этой квартире пять лет и уже дважды перекрашивал все в белый цвет. Ему нравился запах краски, который не выветривался месяцами, — запах обновления, возрождения.

Поворачивая ключ, он уже забыл про Софию и размышлял об истинных причинах его командировки в Бретань. Почему Старик его туда посылает? Чтобы сварганить «приемлемую версию» неприятной истории с издевательствами над новичком, и только?

Или же он хотел заставить сына вдохнуть воздух Финистера, их предполагаемой малой родины? Или, наоборот, убрать его на некоторое время из Парижа?

Как утверждал Морван, бретонцы готовы сотрудничать и дело будет закрыто за пару дней. *Держи карман*. Вояки из воздушно-морской захлопнутся, как устрицы в раковине, жандармы будут смотреть как на соперника, а прокурор спрячется под зонтиком при малейшем намеке на новые данные. Чтобы противостоять этому враждебному миру, ему потребуется король бумажек. Филипп Криеслер, он же Кристо, номер два в его группе, подойдет идеально. Канцелярист команды, именно он писал протоколы осмотров и допросов, он же составлял рапорты, запросы, отчеты о расходах и вел переписку с судейскими... Делопроизводство требует особого таланта, а у Кристо была легкая рука.

Эрван снял трубку, но услышал автоответчик. Он оставил сообщение, вспомнив, что его заместитель только сегодня возвращается из отпуска. Успеет ли тот

вовремя получить информацию? Эрван решил подождать несколько часов, прежде чем звонить другому полицейскому.

Кофе. В тишине квартиры все дурные события дня пронеслись перед ним яркими вспышками. Синяки матери, листки с отчетами отца, фотографии Софии... Семейка психов.

Он считал себя единственным здравомыслящим членом клана. Во всяком случае, наименее чокнутым. Холостяк, четыре тысячи евро в месяц, ежедневное расписание выверено, как налоговая декларация. Он носил недорогие костюмы из «Селио», читал спортивную газету «Экип», и его единственным пороком была кружка пива время от времени. Можно бы перечислить и другие его увлечения, куда более утонченные, — классическая музыка, живопись, философия, — но он был решительно не способен говорить на эти темы в обществе. Кстати, он и не желал: *дело личное*. Он строго придерживался своего официального образа: лучший начальник бригады уголовной полиции, самый высокий

процент раскрываемости и множество национальных наград за спортивную стрельбу.

Как мог он мечтать о Софии Монтефиори?

Эрван всегда ассоциировал женскую красоту с деньгами, и каждый день его полицейской жизни служил для него подтверждением слов Фредерика Бегбедера: «Женщины не шлюхи, но я не знаю ни одной красавицы, которая жила бы с бедняком». Это только в кино супруга миллиардера спит с полицейским — героическим и малооплачиваемым. В реальной жизни она предпочитает оставаться у своего бассейна.

Ему приходилось довольствоваться добычей менее ослепительной, но симпатичной: домработницами, продавщицами, цветочницами и прочими маникюршами. Этот выбор не нес в себе и доли пренебрежения, напротив, Эрван относился к ним с подчеркнутым уважением и обходительностью, словно пытаясь компенсировать то негласное презрение, с которым им приходилось ежедневно сталкиваться. Само выражение «обслуга»

вызывало в нем рвотный рефлекс, а все обозначения профессий, оканчивающиеся на «ица», казались возмутительными. Он видел себя заступником юных простушек.

К сожалению, эти любовные истории длились недолго. Как поется в той песенке: «О чем говорят две маркизы?...»²⁷ Кассирши рассказывали ему истории про кассирш, не слишком увлекательные, он в ответ — полицейские побасенки, более интересные, но грубые и страшные. Одно к другому никогда не прививалось.

Не важно. Он предпочитал свои грезы. Он предпочитал Софию. В глубине души он полагал, что любовь, настоящая, должна оставаться недостижимой и секс здесь совершенно ни при чем.

Он унаследовал подобное отстранение от отца. Старый беззастенчивый махинатор и хищник, тот был пуританином. Любил только нимфеток, и исключительно платонически. В тех редких случаях, когда Эрван видел, что у отца встает, речь шла о совсем молоденьких девушках, почти девочках. Его это завораживало. Смотреть, как краснолицый

колосс превращается в трепетного и благодушного Санта-Клауса, — в этом было нечто чудовищное. Сутенер, который подкладывал шлюх в постели большинства политиков, поставщик кокаина зависимым, шантажист, служивший и в полиции нравов, и в оперативной бригаде, и в бригаде Угро, припадал к этому источнику чистоты без всякой задней мысли.

Что не мешало ему, как и его сыну, пребывать в твердом убеждении, что секс в нашем грязном мире всемогущ. Первый урок, который должен усвоить коп: задница — основа всего и везде. Под слоем культуры, разговоров, религий, мундиров всегда остается плоть. Потребность потрогать соски, вставить свой член во влажную жаркую щель. Все прочее — литература.

На этом Эрван прервал свои глубокие размышления и сел за письменный стол, пристроив рядом кружку и кофейник. Включив компьютер, он просмотрел присланные Стариком мейлы. Первый касался воздушно-морской базы, где и произошла «смерть

курсанта в результате несчастного случая». Школа пилотирования, называемая «Кэрверек-76», по названию соседней деревушки, расположенной на западном побережье Финистера, то есть в самой западной точке Франции; число означало год открытия центра.

Отец приложил данные из Интернета о школе: так называемые КОШПАМы (курсанты офицерской школы пилотов морской авиации) проходили там двухлетний курс обучения, потом отправлялись на третий год в Штаты, чтобы завершить подготовку пилотов-истребителей. По возвращении они были готовы принять командование «миражами», которые взлетают с авианосца «Шарль де Голль». Последний выпуск именовался «Кондор-2012».

Каждый год в августе на базу прибывали двадцать кандидатов, отобранных по их личным делам. За ними наблюдали в течение месяца. Теоретические экзамены, отборочные полеты, психологические оценки, симуляции... После отсева оставалось всего двенадцать: им-то и предстояло в первые

выходные пройти обряд посвящения.

Эрван перечитал телекс, полученный Морваном из штаба. Составленный Жан-Пьером Верни, жандармским подполковником следственного отдела в Бресте, он содержал краткое изложение известных фактов. В пятницу, 7 сентября, в полдень, база была закрыта для любых посещений, офицерам и преподавателям было предложено ее покинуть. Школа превратилась в гигантскую игровую площадку с единственной целью: сделать так, чтобы новым ученикам мало не показалось. В 17:00 двенадцать будущих пилотов по сигналу были выстроены на площадке перед ангаром. «Чумазирование», физические испытания, оскорбления, всяческие издевательства до 20:00. Затем мальчишек разделили, голых и действительно чумазных, отправив в песчаные холмы для охоты на человека, детали которой не уточнялись. На следующее утро на переключке не хватило одного из «посвященных»: Виссы Савири, двадцати двух лет, родом из Ле-Мана. Несколькими часами раньше во время

военных маневров был открыт огонь снарядами по острову Сирлинг, расположенному в море в нескольких километрах от базы. В полдень военные эксперты-баллистики осмотрели развалины бункера, куда произошло попадание, и обнаружили, наряду со следами разрушений, человеческие останки. Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, что речь идет об исчезнувшем курсанте. Его оторванная голова, хоть и обгоревшая, была опознана.

Эрван глотнул еще кофе и потер глаза. Дело было попросту невероятным. Удивительно уже то, что снаряд был послан в цель, находящуюся всего в нескольких километрах от базы, где оставили учеников, как фазанов перед охотой, и уж совершенно не укладывалось в голове, как снаряд умудрился угодить именно в тот бункер, где прятался один из них. Была ли у этой истории какая-то иная подоплека?

Телефон завибрировал. Кристо.

— Вернулся из отпуска?

— Только-только сумку поставил.

Поправлял здоровье в Верхнем Рейне²⁸. Чего звонил?

— Уезжаем завтра утром.

— Куда?

— В район Финистера. Крещение новичков, которое плохо обернулось.

— А местные пинкертоны сами утрясти не могут?

— Все произошло на воздушно-морской базе: они потребовали присутствия Угро.

— Военные не возражают?

— Вроде нет.

— А пресса?

— Еще не в курсе. Нам поручено выдвинуть официальную версию.

Эрван заранее представлял себе комментарии журналистов: «Новый промах в армии», «Дедовщина: бич ударил снова». Опять на Ассамблее будут тянуть руки, из-под сукна извлекут проекты законов, на телевидении пойдет передача за передачей. Обычное лицедейство.

Крипо вздохнул:

— Все было б хорошо, но у меня встреча во вторник в полдень.

— А перенести не можешь?

— Я уже два раза переносил.

— И с кем?

— С дисциплинарной комиссией.

Эрван не очень представлял себе, какие у его заместителя могут быть проблемы с «полицией над полицией». Еще меньше — что он будет свидетельствовать против кого-то из коллег. Кристо, пятидесяти одного года, старый холостяк, которому оставалось несколько лет до пенсии, был дилетантом. Несмотря на кучу дипломов, он так и не поднялся выше лейтенантского звания, относясь к своей профессии полицейского как к хобби и вкладывая душу в то, что обычно считается хобби: игра на лютне, пение ренессансных мадригалов, изучение династий позднего Средневековья...

— В честь чего?

— Моя проблемка с оружием.

Шесть месяцев назад Кристо потерял служебное оружие. В бригаде все запаниковали. В результате пистолет обнаружился в футляре его лютни. История наделала достаточно шума, чтобы рапорт был

составлен и, очевидно, передан по инстанции. Наверно, было бы разумней позвонить кому-то другому, но Эрвану хотелось своего крючокотвора.

— Слетаешь туда-обратно во вторник.

— За счет заведения?

— Я разберусь. Наверняка надо будет передать что-нибудь на анализы в Париж.

— Как пожелаешь. Во сколько выезжаем?

— На рассвете. Мы должны быть там до полудня.

— На чьей машине — твоей или моей?

— На моей. Буду ждать тебя внизу в пять утра. А пока пришлю тебе все, что у меня есть по делу.

Свежий кофе. Эрван решил поискать в Сети все, что есть об издевательствах над новичками, «крещениях» и неуставных отношениях. Снаружи доносился глухой рокот машин и шум дождя на стекле. Он поежился — от удовольствия.

Вдруг осознал, что у него не осталось ни малейшего воспоминания о собственном отпуске. Он отказался присоединиться к Морванам на острове Бреа и чуть не взял в

последний момент билет на лоукостер в Турцию. В результате он уехал на две недели в маленький отель в Стране Басков с запасом книг и DVD. Единственным приключением там стала молодая женщина, выдававшая напрокат доски для серфинга на пляже в Бидарте. Имени ее он уже не помнил. Вот и говори об уважении...

Достаточно было набрать «неустановленные отношения» и «издевательства над новичками», как высветились тысячи эпизодов. Общие определения сводились к следующему: традиция, назначающая новичку очень высокую цену за входной билет в школу или корпорацию. Подколки, унижения, оскорбления, пытки и преследования — и все это под видом шутки. Этот обычай вызывал цепную реакцию: на следующий год жертвы с особой радостью сами становились палачами и так далее.

Началось это не вчера. Согласно мнению историков, обычай коренился в примитивных ритуалах инициации и обрядах посвящения, восходящих к Античности. Кстати, он оказался вполне универсальным. В

английских колледжах говорили о *fagging*, в США — о *hazing*, в Италии — о *nonnismo* и, наконец, во Франции — о *bizutage*... Дурь границ не знает.

Он перешел к хронике происшествий и удивился частоте несчастных случаев. В сентябре 2011-го в Бордо один из «уик-энд-ов интеграции», как принято сегодня говорить, вышел за рамки: унижение обнаженных девушек, выжженные на коже кресты... Два месяца спустя в одном из парижских университетов на теле первокурсников вырезали инициалы группы организаторов. В предыдущем году было заявлено об изнасиловании в одной из коммерческих школ в Лотарингии. В 2009-м констатировали сексуальные домогательства в лицее в Пуатье. В 2008-м говорили об «унижениях сексуального характера» на медицинском факультете в Амьене... Каждое начало осени смахивало на адский сезон охоты.

Эрван представил себе, как директора, профессора и прочие надзиратели запирали двери подведомственных зданий, едва монстры внутри спускались с цепи, — на

манер того, как одни члены банды стоят на стреме, пока другие насилуют девушку.

Эрван, который ни в коей мере не утратил способности испытывать отвращение, в данный момент испытал его в полной мере. И не он один. Эта практика была отныне запрещена. Постановление 1998 года объявляло противозаконными любые «посвящения». Ассоциации и комитеты встали плечом к плечу. Циркуляры Министерства образования ежегодно напоминали о запрете. Результат: новым веянием при посвящении стало заставить новичка сожрать эти бумаги — в качестве испытания. *No comment.*

Он выключил компьютер и решил поспать несколько часов. Положил в дорожную сумку рубашки, носки и трусы. Пока он занимался своими делами, перед его глазами неотрывно стояла одна и та же картина: молодые ребята нагишом перед ангаром дрожат под градом тухлых яиц, муки и дерьма, снося оскорбления от людей в масках.

Он спросил себя, действительно ли это расследование обеспечит ему тот глоток

свежего воздуха, на который он так надеялся?

8

Грегуар Морван шел по пляжу: темная галька, небо как черный мрамор. На самом деле это была не галька, а яйца, крупные, как мячи для регби, и наверняка скрывающие внутри мерзкую рептильную жизнь. Он продвигался с осторожностью, чтобы их не раздавить. И опять он ошибся: это оказались не яйца, а головы. Бритые человеческие головы. Он опустился на колени (он был еще молод) и попытался очистить их от вулканического песка.

Они были живыми: бритые женщины с вытатуированной на лбу свастикой, зарытые по самую шею. У некоторых глаза были большие, белые, без радужки и зрачка. У других — раскосые, как при болезни Дауна. У третьих — множество крошечных зубов вокруг пепельного языка.

Женщины его жизни.

Женщины его смерти.

Когда одна из них попыталась его укусить, Морван резко проснулся и тут же вскочил, как будто у него свело ногу. Несколько секунд его шатало, так что пришлось опереться о стену спальни. Голова кружилась. В горле пересохло. Ему всегда казалось, что бессознательное мстит во время сна за ту цензуру, которая мешает ему проявиться во время дневного бодрствования. Самого Морвана эта теория не касалась: его кошмар был не сном, а воспоминанием.

Он глянул на часы: шесть утра. Заснуть снова не удастся. Он на ощупь нашел свои антидепрессанты. Минеральная вода. Таблетка. Глоток. Он уже не знал, что позволяет ему держаться: химические молекулы или просто привычный жест, когда он их проглатывал.

Сделал еще несколько шагов в темноте. У него так давно была отдельная спальня, что он уже и не помнил, когда делил спальню на двоих. Ванная. Увлажняющий крем. Несколько долгих минут он втирал его в кожу. Сказал бы ему кто, что когда-нибудь он будет мазать морду чем-то подобным...

Он встал у окна и отодвинул штору. Нет ничего более пустого и пустынного, чем авеню Мессины в этот час. Он посмотрел на свое отражение в стекле. Композиция в стиле Хоппера. Синяя сентябрьская ночь. Свет фонарей. Жесткие ребра тротуаров. И он, стоящий в правом углу картины в подчеркивающем наметившийся живот спортивном костюме от Кельвина Кляйна.

Его ночные сотоварищи уже здесь: мусорщики. Негры, собирающие городские отходы без единого слова, без единого лишнего жеста. Под платанами слышно только пыхтение мусоровоза и скрип тормозов. Каждый год жители квартир, выходящих на дорогу, требовали, чтобы сбор мусора начинался позже, не на рассвете. Каждый раз он делал все возможное, чтобы к ним не прислушались. Пусть не забывают о собственной грязи — и пусть кому-то платят за то, что он ее убирает.

Когда Морван только начинал свою карьеру, его прозвали Чистильщиком, и это имя надолго к нему прилипло. Он подметал у дверей Республики. Он подтирал задницы

сволочам. И всегда в молчании. Теперь он об этом сожалел: ему следовало поднимать максимальный шум, чтобы каждый раз раздражался скандал, чтобы все эти важные шишки, политики, сильные мира сего были вынуждены глянуть себе прямо в лицо. Вот почему в его квартале расцветные призраки, его подобие, вольны шуметь, сколько им угодно.

Он устроился за секретером — мебель работы Жана Пруве²⁹, которую он забрал с очередного места преступления, — и включил компьютер, чтобы проверить мейлы. Ничего нового по «Кэрвереку». Никаких сенсационных сообщений он и не ждал, пока его сын не примется за работу.

Он не знал, чего ждать от этого дела. То ли официальная версия устоит, то ли откроется ящик Пандоры. В обоих случаях фонтан дерьма гарантирован. Но тревожил его главным образом источник информации. Он не сказал всей правды Эрвану. Еще до телекса Морван получил первый звонок — от адмирала Ди Греко, один только голос которого навевал самые худшие

воспоминания.

Морвану ни в коем случае не следовало направлять на это дело собственного сына, но он, как всегда, действовал инстинктивно. Вот уже сорок лет ему приписывали сложнейшие расчеты и изощреннейшие стратегии. И ошибались: он всегда принимал мгновенные решения, без всяких колебаний. К тому же хоть этим он был обязан старому служаке — послать лучшего своего человека, то есть Эрвана, свою собственную кровь.

Он перешел к вещам серьезным, к секретным сообщениям. В старое доброе время ему достаточно было снять трубку красного телефона или прочесть несколько анонимных строчек, доставленных агентом. А сегодня он должен соединиться по скайпу с закодированным компьютером, чей IP-адрес был зарегистрирован в Чехословакии, потом набрать многочисленные коды, которые выдавал ему микрокалькулятор после того, как он вводил первое слово пароля. За несколько лет его профессия превратилась в непонятное ответвление информатики и электронной инженерии: агенты проводили

большую часть времени на курсах переподготовки или в телефонных магазинах.

Он добрался до своей закрытой почты. Единственное сообщение, то, которого он ждал: «Конец операции». Лаконичное выражение, означающее, что миссия выполнена. Вот уже месяц, как один говнокопатель, которого он давным-давно знал, некий Жан-Филипп Маро, вел расследование по Франсафрике³⁰ вообще и по Морвану в частности. Он отдал приказания. Квартира журналиста была перевернута вверх дном, его компьютер промыт, лица, которых он мог расспросить, «предупреждены»; Маро был на верном пути, чтобы откопать кое-какие старые трупы. Морван мог бы ему пригрозить, но того это только подстегнуло бы, мог попытаться купить, но тот бы не дрогнул: Маро не стремился ни к деньгам, ни даже к истине, только к славе и к признанию коллег. Еще Грегуар мог бы его дискредитировать, но и это ничего бы не дало. Кто, как не подонок, сумеет лучше разоблачить другого, себе подобного?

В результате он сказал, как отрубил: уладить проблему «всеми необходимыми средствами». Он любил это выражение Малкольма Икса³¹, хотя предпочитал ему другое: «Уймись, парни» — именно это сказал черный лидер убийцам, которые выстрелили в него более двадцати раз.

«Конец операции» — следовательно, опасность устранена. Несчастный случай или самоубийство с предсмертной запиской: проблема была решена окончательно. Перно, его специалист по «попыткам к бегству», конечно же, провел тщательную зачистку касательно заметок и рукописей, убрав все информационные следы. Даже если издатель, кто-то из близких или адвокат был в курсе проекта, никто ничего не сможет доказать, и в любом случае они будут в ступоре от страха.

Ничего больше Морван от своего исполнителя не требовал: он давно перерос возраст деталей. Зато понял одну из неосознанных причин, по которым послал Эрвана в Бретань, — по крайней мере, сына не будет здесь, чтобы докапываться до причин смерти журналиста...

Он снова вытянулся на кровати и закрыл глаза. Веки жгло, к основанию черепа подбиралась мигрень, не говоря о боли в спине. От одной мысли, что кто-то попытался рыться в его жизни, ему становилось не по себе. Он попробовал представить себе, какую главу написал бы о своих молодых годах.

Все началось с насилия. С насилия леваков, разумеется.

1966 год. В двадцать один год Грегуар Морван был убежденным маоистом, с красным уклоном — красным, как кровь. Он отвечал за порядок на митингах, распространял листовки, бил морду тем, кто был не согласен. Морван не был революционером-утопистом, любым долгим речам он предпочитал потасовку. На самом деле он уже тогда ненавидел всех. Фашистов, потому что они говнюки. Голлистов, от которых несет старой Францией. Буржуазию, которая вся прогнила вместе со своими бабками. Пролетариев, которые ни черта не понимают. И даже своих товарищей-гошистов, у которых луженые глотки и пустое место в штанах.

А главное, он ненавидел сам себя. Появившись ниоткуда, без гроша и без диплома, он поступил в полицию простым постовым. Революционер в кепи, со свистком и пелеринкой — картинка не фонтан...

Май 1968-го стал его шансом. Начальство, наслышанное о его гошистских настроениях, предложило внедриться в ряды троцкистов и маоистов. Он послал их в задницу, но само предложение навело его на мысль. Он записался в SAC (Службу гражданского действия), параллельную полицию голлистов. Сборище буянов, отставных военных и откровенных бандюков, снабженных удостоверениями с триколором.

Никаких проблем с внедрением. Его статус полицейского послужил лучшей гарантией. Через несколько дней он был в курсе всего. Где намечается драка, фальшивые «скорые помощи» (сбиры из SAC в белых халатах подбирали раненых студентов, а потом обрабатывали их в штаб-квартире на улице Сольферино), операции по внедрению (те же сбиры, прикинувшись студентами, лезли на баррикады и провоцировали копов, чтобы

довести до худшего).

Проведя неделю в таком режиме, он идет к Бенни Леви, лидеру Пролетарской левой³², и предлагает сливать ему информацию. Леви загорается, но Морван просит бабок. Тот разочарован. Полицейский отвечает ему, цитируя Мао: «Коровий навоз полезнее догм: из него можно сделать удобрение». Леви ворчит, но соглашается скрепя сердце на требуемую сумму. По рукам.

На протяжении многих недель Морван исправно несет службу среди подоженных машин и смешных лозунгов: «Общество — плотьядный цветок», «Любите друг на друге», «Клал я на общество, как оно на меня». Днем он совершает обходы в Пятом округе, при мундире. Вечером несется на факультет в одежде хиппи. Потом опять переодевается — белый халат и плетка. На рассвете продает информацию маоистам и пускается по новому кругу.

Он больше не спит. Выходцы из Катанги, драчуны, обосновавшиеся в Сорбонне, снабдили его амфетамином. Однажды ночью команду SAC срочно посылают перевезти

бюро генерала де Голля. Морван принимает участие. Он опустошает ящики, таскает коробки, грузит машины. А по ходу дела умудряется утащить несколько досье.

Другой ночью его группа влипает в уличную разборку. Парни из ультраправой группировки «Запад» только что написали на стене: «Убивайте коммунистов везде, где их найдете!» А искать было как раз недалеко. Гошисты навалились на них. Потасовка. Головорезы из SAC кидаются в самую гущу. У Морвана сносит крышу. Когда он видит, как фашиствующий молодчик избивает студента, он вмешивается и, в свою очередь, ударом цепи сбивает на землю эту тварь. Коллеги из SAC ничего не понимают. Его пытаются остановить, он отбивается, на него наваливаются, он убегает.

Окопавшись в родном комиссариате, он старается вести себя тише воды ниже травы, но дело доходит до начальства. Отягчающая подробность: экстремист, которого он уделал, оказался не кем иным, как Пьер-Филиппом Паскуа, сыном Шарля, тогдашнего вице-президента SAC. Корсиканец требует голову

предателя, но получает обратный результат: полицейские, многие из которых состоят в SFIO³³, совершенно не собираются позволять SAC отдавать им приказы. В конце концов шкуру свою Морван спас, но при условии, что он подаст прошение об отставке.

И тогда он вспоминает украденные у де Голля досье, в которых содержится масса деталей об операциях «желтый свет», как говорили в те времена. Переговоры. Его оставляют в полиции, но посылают в Габон, чтобы сформировать личную гвардию президента Бонго. О нем должны забыть.

Грегуар встал и направился в ванную. Свет. Все та же старая крокодилья морда. Нет сил вспоминать о том, что было дальше. Как в Африке он объединился со своими вчерашними врагами. Как шваль из правых — бывшие оасовцы³⁴, агенты в изгнании, бандиты, которые слишком много знали, — научили его ремеслу. Как он задержал Человека-гвоздя и встретил дьявола собст-

венной персоной...

Морван залез под душ. Вернувшись в Париж, он раз и навсегда покончил с любыми политическими соображениями. Он просто работал во имя порядка, то есть ради сохранения определенной формы постоянства среди суеты и брожения.

Рубашка. Подтяжки. Костюм. Как и каждое утро, прикосновение прекрасно выделанных тканей вызывало в нем тайное ощущение неуязвимости. Эффект денег? Власти? Или же простая привычка? Он испытывал то, что должен чувствовать каждый генерал, надевая по утрам форму.

Он подумал о короткой поездке с сыном в Конго. Как всегда, он не сказал Эрвану и четверти половины правды. Плевать ему было на смерть Нсеко — конечно же, очередная разборка между черномазыми, — и его будущий преемник, Мумбанза, не вызывал никаких нареканий. Морван отправился за тридевять земель, просто чтобы удостовериться, что сведения о его проектах не просочились. Он не исключал, что Нсеко пытали и что он, пытаясь спасти

свою шкуру, выдал информацию. Но судя по тому, что ему удалось услышать, никто не был в курсе его махинаций. Значит, все шло своим чередом, и в конечном счете смерть африканца его даже устраивала: одним посвященным в тайну меньше. Он воспользовался присутствием в Лубумбаши, чтобы созвониться кое с кем из своей команды, работавшей на местности: вроде все продвигалось, как он и надеялся у себя на севере...

Сосредоточенно завязывая галстук, он включил радио. Франс Инфо. Накануне президент Франсуа Олланд обещал понижение уровня безработицы в течение года и беспрецедентный бюджетный прорыв. Бомбы сыплются дождем на Алеппо. Зайнаб, семи лет, выжившая после массового убийства в Шевалине, вышла из комы. Бернар Арно, направляясь в Бельгию, по-прежнему заверяет, что желает платить налоги во Франции. Журналист-фрилансер Жан-Филипп Маро покончил с собой, выбросившись из окна своей квартиры на девятом этаже...

Морван выключил приемник и надел пиджак. Две хорошие новости. Полная тишина по поводу «Кэрверека». Всего несколько слов о кончине журналиста...

Он уложил свой MacBook в портфель, защелкнув хромированные застёжки. На пороге спальни поискал, какой бы великой-фразой завершить свой маленький экскурс в прошлое.

Фразы он не нашел.

Надо было продолжать работу, вот и все.

9

— Где мы?

— Проехали Сен-Брийо. Осталось еще сто пятьдесят километров.

— Вот черт...

Часть путешествия Эрван не увидел. Он вел машину с пяти до семи, прежде чем передал руль Крипо, а сам задремал, хотя заснуть по-настоящему так и не удалось. Девять утра. Эльзасец слушал, приглушив звук, пьесы для лютни Энтони Холборна, английского,

кажется, композитора шестнадцатого века. Неплохо в качестве колыбельной, хоть и немного действует на нервы.

Мелькнуло воспоминание: Финистер, *Finis Terrae* — конец земли. Лучше и не скажешь. Ему казалось, что они едут уже дня три.

— Там заправка. Остановись.

Крипо свернул на подъездную дорогу и затормозил около бензонасоса. Пока он заливал в «вольво» полный бак, Эрван зашел в бар-магазинчик. Ожидая свой кофе, он оценил депрессивность обстановки. Расползающиеся подтеки на потолочных светильниках. Дальнобойщики, выходящие из клозета застегивая ширинки. Алкаши за стойкой, уже порядком набравшиеся. Несмотря на эту угнетающую картину, он выпил кофе с удовольствием. Вкус эспрессо, затекшее тело, предстоящая работа...

Крипо присоединился к нему и заказал кофе со сливками. Положил на стойку досье и без предисловий пустился в историю Атлантического вала:

— Начиная с сорок второго года немцы превращают крупные бретонские порты в

крепости, чтобы противостоять англосаксонской угрозе. Сен-Мало, Брест, Лорьян, Сен-Назар...

Эрвану пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что жертва, во всяком случае то, что от нее осталось, была обнаружена в бункере. Речь Кристо выдернула из памяти еще одну деталь: откуда взялось его прозвище. Когда в бригаде узнали, что Филипп Криеслер эльзасец, его тут же окрестили Кристо, по аналогии с Kriminal polizei, Уголовной полицией Берлина. Эрван напустился на своих: эта служба была печально известна участием в уничтожении душевнобольных и евреев. Но на набережной Орфевр, 36³⁵, глупости приживаются надолго. Прозвище осталось, и — в силу привычки — все уже забыли, как настоящая фамилия Трубадура.

— Это как во времена соборов, — с воодушевлением продолжал тот. — Архитекторы, инженеры, сотрудники организации Тодта³⁶ перемещались вдоль побережья и строили не покладая рук...

В силу какого-то смутного атавизма эльзасец питал иррациональную ненависть к немцам, но при этом знал абсолютно все о Третьем рейхе. Что и доказывала его утренняя лекция — времени изучить вопрос за ночь у него не было, он говорил по памяти.

— Смотри, что я у себя нашел, — подтвердил он свою репутацию. — Топографию сооружений Сирлинга!

Эрван увидел одинокий остров севернее Уэссана, в пяти километрах от побережья, напротив деревни Кэрверек. На кусочке земли буквенными сокращениями были обозначены строения сотрудников Тодта. Не меньше тридцати. Каждому логотипу соответствовал определенный тип конструкции: казематы, блокгауз, бронеколпак, противотанковая стена, турели... Фотографии иллюстрировали карту. Некоторые сооружения были откровенно странными: звездообразные с металлическими остриями назывались «чешскими ежами», колодцы, защищенные металлическими крышками и скрытые в траве, именовались «тобруками»... [37](#)

— Эти фотографии не имеют ничего общего с тем, как все выглядело первоначально. Все было замаскировано. Парни рисовали сверху белые заборчики, фальшивые окна. Клали поверх серую штукатурку, чтобы бетон был похож на скалу!

Количество сооружений на острове еще раз подчеркивало невероятность происшедшего: это же надо было, чтоб снаряд угодил в единственное укрытие, куда забился человек.

— Ладно, — рассеянно сказал Эрван, ставя чашку. — Поехали?

— Погоди, я спрошу счет.

Выглядел Кристо довольно оригинально. Очень высокий, крепкий, седоватые волосы завязаны в хвост, бархатный пиджак сливового цвета, оранжевый платок и потертые сапоги для верховой езды, лоснящиеся, как старое кожаное кресло. Нечто среднее между бывшим байкером и преподавателем живописи, которому скоро на пенсию.

Вместо обычного счета он заставил бедную кассиршу заполнить настоящую накладную.

Эрван улыбнулся. Эльзасец был одновременно и педантом, и мечтателем. Интеллектуал с аллергией на действие. Тип полицейского, который может пять минут разглядывать лужу крови, пытаясь понять ее значение, как если б речь шла о чернильной кляксе Роршаха³⁸.

Эрван снова устроился на пассажирском сиденье и воспользовался этим, чтобы просмотреть свои мейлы. Подполковник Верни прислал ему новый рапорт. Личность жертвы подтвердилась: сравнение относительно сохранившейся нижней челюсти с зубной формулой Виссы Савири позволило утверждать это с уверенностью. Верни присоединил к этому выдержки из личного дела, полученного при поступлении молодого человека. Эрван внимательно рассмотрел фотографию: матовая кожа, правильные черты, гладкие, как персик, щеки — в облике Виссы было что-то мягкое, женственное.

Эрван подумал, что нужно быть докой в математике, чтобы стать пилотом-истребителем. А у Виссы Савири был всего

лишь аттестат категории «S»³⁹ и диплом о высшей подготовке технического работника в области авиации. Он записался в Информационное бюро морской службы и предложил свою кандидатуру в «Кэрверек». Был включен в первую отобранную группу в июле и в августе получил подтверждение о приеме, после последних экзаменационных полетов. Только тогда он стал военнотружущим, офицером-контрактником.

— Подъезжаем.

Эрван открыл глаза: он заснул, читая протоколы. Он ожидал увидеть ярко-зеленые ланды, усеянные гранитными глыбами: перед ним предстали засеянные поля, фермы, похожие на домики в пригороде, торговые центры кричащей окраски. Похоже на любое другое место во Франции.

Он был разочарован, хотя всегда терпеть не мог Бретань. После обучения в школе парусного спорта он в возрасте восьми лет приложил все усилия, чтобы ничего не понимать, ничего не делать, ничего не любить, Эрван всегда избегал этого района,

несмотря на то что в восьмидесятых годах отец приобрел дом на острове Бреа. То, что Эрван обнаружил сегодня, только доказывало, что он ничего не потерял. Банальный сельский пейзаж, напичканный пестицидами и подчинившийся закону промышленной рентабельности.

Конечно же, шел дождь. Морозящие капли превращали открывающуюся картину в декорацию из пемзы, от которой мороз продирает по коже. Единственный признак кельтской культуры — надписи на двух языках. До Бреста оставалось всего несколько километров.

— Это напоминает мне мою молодость, — заметил Кристо.

— И где ж это она прошла?

— В Эльзасе. Я играл в кельтской музыкальной группе «Армориканцы». Было весело. Между лютней и кельтской арфой много общего, в частности...

Эрван больше не слушал. Он спрашивал себя, что он здесь делает в компании стареющего барда. Зачем отец вписал его в это хреново дерьмо?

10

Брест был полностью сметен с лица земли бомбардировками во время Второй мировой и заново отстроен по современному плану, учитывающему все гигиенические стандарты. В результате город располагался вдоль осевых линий, по типу Нью-Йорка, и ветер с побережья врывался в него, не встречая ни малейшей преграды. С архитектурной точки зрения все было задумано в соответствии с заветами пятидесятых годов: голые фасады, крыши-террасы, закругленные углы... В то время это казалось неплохой идеей, но на сегодняшний день Брест считался самым уродливым городом Бретани, а то и всей Франции.

На протяжении пути одна деталь особенно угнетала Эрвана: на дорожных щитах чуть ли не повсюду стрелки указывали направление к госпиталю «Морван». Мелькание собственного имени, да еще увенчанного красным крестом, казалось ему мрачным-предзнаменованием.

Морг располагался во втором госпитале Бреста — «Chevale Blanche», или, в оригинальной версии, то есть по-бретонски, Gazeg Wenn. Заблудившись несколько раз — Кристо отказывался пользоваться GPS, — они наконец нашли комплекс зданий, взгромоздившихся на холм над социальным жильем. Да и сам кампус напоминал спальный район: блоки, водруженные на пилоны, с окружающими их бесконечными лужайками. Можно было подумать, что эти кубы, на каждом из которых был крупно выведен номер, вмещали все болезни города по отдельности.

Им была назначена встреча в номере один. В глубине вестибюля, у стойки кафетерия «Brioche dorée», их поджидали три молодца в черных непромокаемых плащах. Рукопожатия. Взаимные представления. Жан-Пьер Верни, подполковник жандармерии отдела уголовных расследований Бреста, отправитель мейлов; Симон Ле Ган, капитан-инструктор при штабе в «Кэрверек-76»; Люк Аршамбо, лейтенант воздушной жандармерии, ответственный за военную

безопасность базы. Темные складки их ветровок, усеянных брызгами дождя, придавали им вид зловещих могильщиков, которым поручено сопровождать гробы сквозь любые непогоды побережья.

Заказали кофе. Хозяева ерзали на стульях. Эрван наблюдал за ними. Верни, жандарм, обладал внешностью молчуна. Коротконогий, он двигался рывками, как на соревнованиях в толчке в тяжелой атлетике, и, казалось, замыслил недоброе. Симон Ле Ган был выкроен по тому же лекалу, но только в красных тонах. На его багровом лице посверкивали два синих глаза под сморщенными птичьими веками. Шапочка коротко стриженных светлых волос делала его похожим на альбиноса. Он выглядел настолько же зажатым, как и его коллега, но еще и подрумяненным на шампуре. Аршамбо являл собой полную противоположность. Длинный, узкий, с лицом, запертым на два замочка стеклами в тонкой оправе, напоминающими очки авиатора. На первый взгляд он производил впечатление безобидного, но, взглядевшись получше, вы

могли уловить вспышку нервозности, а то и безумия в его глазах, которые навевали воспоминания о школьных учителях былых времен, чудаковатых очкариках, на деле оказавшихся анархистами, способными подложить бомбу под машину.

Принесли кофе. Эрван опасался стены враждебности. Но все трое молодчиков испытывали, напротив, чувство облегчения от приезда столичных полицейских. По всей видимости, они просто не знали, с какого бока подступиться к этому делу.

— Вы получили мои сообщения? — спросил Верни.

— Да. Благодарю вас.

— Я подумал, что эти сведения будут вам полезны, причем до встречи с родителями.

— Родителями?

— Родителями жертвы. Они будут с минуты на минуту.

— И я, что ли, должен с ними возиться?

— Раз уж вас назначили...

— В момент смерти Висса Савири находился в зоне ответственности воздушно-морской школы.

— Расследование поручено парижской бригаде уголовного розыска. Таким образом, именно на вас лежит ответственность за...

Эрван жестом показал, что сдается.

— Расскажите мне, какого рода посвящение проводилось в школе, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Здесь, — уточнил Ле Ган, — скорее принято говорить «уик-энд интеграции».

— Как пожелаете. Какие развлечения предстояли в этом году?

— Испытание чумазированием, физические нагрузки, бег с преследованием...

— Когда все это должно было закончиться?

— В субботу вечером.

— На ваш взгляд, тенденция была умеренной или жесткой?

— Жесткой.

Эрван не стал настаивать: у него еще будет время ознакомиться с подробностями.

— Посвящение началось в пятницу на плацу перед ангаром, в семнадцать часов. Висса был там?

— Так точно. Все его видели.

— После двадцати часов курсанты

рассеялись в ландах. Это так?

— Так. Крысы...

— Кто-кто?

— Так здесь называют новичков. Через час после их ухода Лисы, то есть старики, проводящие посвящение, пустились по следу...

Крысы, Лисы. Хорошо бы запомнить.

— С какой целью?

— Я там не был, но думаю, что, отловив кого-то одного, они стараются напугать его. Факелами, рожками, как у болельщиков... Ничего такого страшного.

— Во время этой охоты никто не видел Виссу?

— Никто.

— Значит, он сбежал ночью?

— Совершенно очевидно.

— Он мог добраться до острова Сирлинг вплавь?

— Исключено, — заметил Ле Ган, красный, как омар. — Это в трех милях, а при сентябрьских приливах течения очень мощные.

— Значит, он использовал какое-то судно?

— Так точно.

— Где он его нашел?

Аршамбо на лету перехватил подачу:

— База располагает флотом «Зодиаков», пришвартованных к дебаркадеру на побережье в километре от школы. Главным образом «харрикейны», очень мощные катера, больше трехсот лошадиных сил. Здесь их называют ETRACO, «судно быстрой транспортировки для командос».

Почти каждый ответ содержал новое слово: они шутить не собирались.

— Наблюдение за судами не ведется?

— Нет. Никому в этих местах и в голову не придет прикоснуться к армейскому оборудованию.

— Чтобы его завести, нужен ключ, верно?

— Висса с рождения в авиации: его отец работает в авиаклубе, — вмешался Верни. — Он, безусловно, способен завести любой мотор.

— Недоставало одного «Зодиака»?

— Все на месте, — признал жандарм.

— Вы нашли какое-нибудь судно в окрестностях острова?

— Пока нет, но найдем, это вопрос нескольких часов.

Эрван окинул троих мужчин взглядом:

— Несмотря на то что ни один «Зодиак» не был украден и ни одно другое судно не найдено, вы утверждаете, что Висса на чем-то уплыл, чтобы укрыться и избежать издевательств?

— «Вы утверждаете»? — возмутился Ле Кан. — Но, черт подери, это же правда!

Он произнес последнее слово с особым упором. Его сморщенные веки постоянно мигали.

Эрван предпочел сменить тему:

— Кто был в курсе воздушных маневров, намеченных на субботнее утро?

— Никто.

— Даже ваше начальство?

Верни встал и порылся в карманах:

— Еще кофе?

Военные кивнули. Пауза представлялась насущной необходимостью. Они не ожидали, что первый же допрос станет настолько жестким. Крипо пошел вместе с Верни к стойке.

— Невозможно быть в курсе таких маневров, — продолжил Аршамбо уже тише. — Они секретные, и решение принимается на самом верху.

Он распахнул плащ. Длинные ноги, засунутые под пластиковый стул, постоянно подрагивали.

— Откуда были самолеты, которые вели огонь? — спрашивает Эрван.

— Был всего один залп. «Рафали» взлетели с авианосца «Шарль де Голль».

— Где он стоит?

— На данный момент лег в дрейф к северу от нашего берега, милях в двенадцати.

— Существует ли какая-нибудь связь между «Кэрвереком» и авианосцем?

— Только одна: адмирал Ди Греко.

— Кто это?

— Начальник штаба К76. А еще он занимает какую-то должность на «Шарле де Голле». Так и ездит туда-обратно.

— Где он сейчас?

— На борту.

Итак, Эрвану предстоял визит на один из самых мощных военных кораблей в мире. Он

никак не мог решить, возбуждает его подобная перспектива или нагоняет скуку смертную.

Сменим тему.

— А разве не опасно проводить такого рода маневры в море рядом с берегом, где столько туристов?

— Сирлинг закрыт для посещений. Это самое удаленное стрельбище в Бретани. Все находится под контролем, командир.

— Сделайте одолжение, прекратите так меня называть. Во-первых, я вам не командир. Во-вторых, я не имею никакого - отношения к армии.

— Хорошо, команд... — Аршамбо проглотил конец фразы. — Все условия безопасности были соблюдены. Иначе не было бы стрельб.

— И все было проверено непосредственно перед операцией?

— Разумеется. Вертолет провел рекогносцировку.

— Опишите мне место преступления.

Это слово заставило подскочить всех трех молодчиков. Эрван внес коррективы:

— Место происшествия.

— Как я вам писал, — начал Верни, — группа баллистиков обнаружила... останки. Ребята из похоронной команды приехали два часа спустя и собрали то, что можно было собрать. Речь шла о пяти или шести... частях.

— Местность была обследована?

— Разумеется.

— Судебную группу идентификации вызвали?

— Не имело смысла. Армейские эксперты собрали очень точные данные. Это их работа.

— Их работа — оценить ущерб, а не человеческие останки.

Жандарм решил не спорить. Он открыл портфель и достал снимки:

— Гляньте на это. Вы поймете, что они хорошо поработали.

Точка попадания снаряда являла собой дыру диаметром пять метров, заполненную водой. От структуры бункера не осталось ничего: обломки разлетелись по кругу на многие метры. Техники разметили желтыми флажками места их нахождения. Другие

отметки, синие, — без сомнения, для фрагментов человеческого тела — виднелись на горелой траве. Ни на одной фотографии не было останков Виссы в прямом смысле слова.

— Есть уверенность, что тело было одно?

— То есть?

— Фрагменты не могли принадлежать двум разным людям?

У Ле Гана вырвался смешок. Нервный смешок с оттенком презрения, который, казалось, означал: «Только фараон мог до такого додуматься».

— Что вы себе вообразили? — бросил он.

— Ничего. Мое дело — не упустить ни одной возможности.

— Если вы приехали, чтобы взбаламутить дерьмо, которого нет, мы ничем не сможем вам помочь.

Эрван не опустил глаз. Молчание повисло, как натянутая раскаленная струна.

— Судебный медик не высказывал подобной гипотезы, — вмешался Верни, чтобы утихомирить страсти. — Вы сами сможете его спросить.

— Вернемся к ночи происшествия: Висса

не заходил в свою комнату?

— Нет никаких признаков, что заходил.

— Вы проверили его мобильник, кредитную карточку, компьютер?

— Мы ждали вас для проведения обыска, но априори его вещи остались нетронутыми.

Первая хорошая новость: они могли сами расшифровать данные электронного и информационного оборудования.

Появился санитар:

— Родители приехали.

Трое офицеров вскочили, зашуршав плащами.

— Лучше бы не показывать им...

— Я знаю свое дело. Крипо, подожди меня в машине. Я позову тебя, когда закончу с родителями.

Не стоило давать заместителю возможность поболтать с тремя мушкетерами.

— А вы, — добавил он, — оставайтесь здесь. К судебному медику пойдем вместе.

— Но...

— Я и так взял на себя родителей. Должны же вы поучаствовать в остальном.

Эрван привык к моргам — в таких местах об эстетике обычно не заботятся. Коридоры там в большинстве своем выложены плиткой, вдоль стен идут канализационные трубы. «Chevale Blanche» следовала общему правилу, но с одним нюансом, который делал атмосферу еще неприятней: на втором подземном уровне какой-то умелец изукрасил стены монохромными фресками; первая из них, красная, изображала подтеки крови. Не самая удачная мысль. Дальше была расположена приемная с диваном и двумя креслами с мелким узорчиком в стиле Пауля Клее. Кофеварка, аквариум. Родители Виссы Савири стояли рядом с золотыми рыбками. Он подошел к ним, протягивая руку. Улыбнуться? Не улыбаться? Сколько таких разговоров пришлось ему пережить? Искать слова, которые совершенно бесполезны. Изображать фальшивое сочувствие. *Вот дерьмо.*

По темной коже Виссы Савири Эрван

предположил, что он родом из Северной Африки. Он также запомнил, что его отец работал в авиаклубе. Короче, он думал увидеть механика-араба в черном мешковатом костюме в сопровождении супруги в черном платке. Савири-отец оказался высоким и элегантным. В черном пиджаке поверх ярко-синей тенниски от Лакоста. Смуглая кожа, пронзительный взгляд; он походил на того, кем и был: авиаинженер в трауре. Жена была такой же высокой, как он. У нее были четко очерченные брови, кожа с медным отливом и длинные рыжие волосы, волнами спадающие на плечи. Не красивая, но породистая и элегантная. Эрван еще раз попал пальцем в небо: он представлял ее стокилограммовой теткой в *абасе*⁴⁰.

Он представился и выразил соболезнования. Они пожали ему руку, пристально разглядывая. Когда рядом с человеком происходит мощный взрыв, он на какой-то момент лишается способности что-либо чувствовать. Чета Савири пребывала именно в такой черной дыре, где-то на по

man's land, ничейной земле, откуда им предстояло возвращаться — медленно, осознавая страдание, впитавшееся в самую их плоть. Хроническую боль, которая отныне станет частью их самих: сына больше не было.

Эрван постарался вспомнить специфику мусульманских похорон. Погребение должно совершиться в течение двадцати четырех часов, последовавших за кончиной. Смерть рассматривается как переход, а значит, запрещены кремация, консервация тела или донорство органов. Гроб, развернутый в сторону Мекки...

В случае с Виссой все эти соображения были совершенно бесполезны.

— Обычно, — начал он, — родителей просят опознать умершего, но, принимая во внимание состояние останков, лучше от этого отказаться. Стоматологическая экспертиза подтвердила, что...

— А если мы хотим его увидеть? — спросила мать.

Голос низкий, звучный. Немного тягучий, как у Фанни Ардан. Ни малейшего

магрибского акцента.

— На данный момент, — ответил он, — это невозможно. Еще не было вскрытия. Следует с точностью определить обстоятельства несчастного случая.

Согласятся ли они на такую версию? Позволят ли, не упираясь, запечатать гроб? Или же, напротив, бросятся искать виноватых? Подадут жалобу? Пока они не реагируют. Возможно, даже не слышат, что им говорят.

— Нам позвонил подполковник Верни, — произнес наконец отец. — Он говорил об «уик-энде интеграции». Это что-то вроде издевательств над новичками?

Эрван пустился в путаные объяснения, прикрываясь расследованием, необходимостью соблюдать осторожность, опросом свидетелей. Он проклинал военных, которые вынудили его следовать этим дебильным ритуалам. Чтобы уйти от основной темы, он сосредоточился на практических проблемах организации похорон:

— Как только вскрытие будет закончено,

прокуратура Ренна выдаст разрешение на захоронение. Тогда вы сможете позвать имама и...

— Мы не мусульмане.

— Простите, я подумал...

— У нас египетские корни. Мы копты.

Женщина выделяла каждый слог. Эрван сжал челюсти — в таком темпе он к вечеру соберет полную коллекцию ляпов.

— Если хотите, — предложил он, чтобы еще раз сменить тему, — мы можем посоветовать адвоката, чтобы разобраться со страховкой и...

— Я сама адвокат, — прервала его женщина. — Специалист по тяжбам в области несчастных случаев на производстве, эксперт конфликтной комиссии департамента Сарта.

Базу «Кэрверек» ждут серьезные неприятности — и все Министерство обороны с ней вместе. Мадам Савири не даст пощады никому. И самому Морвану не грех бы собраться и не дать ни малейшего повода к нареканиям.

— Мы уже подали жалобу на военные

власти, — сообщила она. — По закону армия несла ответственность за нашего сына с того момента, как он заселился на базу. И тем большую ответственность, что Висса на прошлой неделе стал военнослужащим.

— Никто не собирается уклоняться от ответственности, мадам. В этом причина моего присутствия здесь. Мы хотим внести полную ясность в обстоятельства этой трагедии.

— У вас есть дети? — вмешался отец.

— Нет.

Инженер покачал головой, будто желая сказать, что в таком случае Эрван никак не соответствует требованиям, налагаемым данной миссией.

— Он надеялся служить Франции, — грустно улыбнулся он, разглядывая рыбок.

— Каким юношей был Висса?

— Героем, — пробормотала мать.

— Простите?

— Ну, скажем, будущим героем... У него не было ни финансовых, ни даже профессиональных амбиций. Он только хотел доказать, что обладает мужеством. Читал

книги о французском Сопротивлении и о партизанских войнах двадцатого века. Он жил с этим вопросом: а как бы поступил он сам в подобных обстоятельствах? Взялся бы он за оружие? Проявил бы отвагу?

Эрван внезапно испытал то сочувствие, которое напрасно искал в себе с начала разговора. Ему были знакомы и те же сомнения, и те же вопросы. Правда, жизнь полицейского дала ему ответы: он не единожды безбоязненно стоял под огнем.

— Иногда, — непроизвольно отреагировал он, — самой жизни не хватает. Я хочу сказать, обычной жизни, которая состоит в том, чтобы дышать и искать, где тебе на земле удобнее. Для некоторых материя жизни должна быть более красивой, более чистой, более героической.

Он тут же пожалел об этой напыщенной тираде. Вот уж точно не та речь, которой следует потчевать родителей, только что потерявших сына из-за какого-то посвящения.

Ответа не последовало. Мысленно он отметил: *паренек, помешанный на героизме,*

не сбежит от первого же тухлого яйца, попавшего ему по черепу.

Эрван сменил курс:

— У него были друзья, невеста?

— Нет, — скорбным голосом ответила мать. — Он хотел сначала определить свое будущее.

— Даже близкого друга?

Эрван осознал, что вопрос может показаться двусмысленным, но было слишком поздно: зло свершилось. Мадам Савири придвинулась ближе. Ее лицо напоминало лица великих трагедийных актрис — тех, кому удалось воплотить греческие мифы на сцене или в кино. Мария Каллас. Ирен Папас. Сильвия Монфор.

— Доведите вашу мысль до конца.

— Не было у меня никакой мысли, мадам, уверяю вас...

Он врал. Лицо Виссы невольно показалось ему женственным, а отсутствие судна возле острова ясно свидетельствовало, что Висса отправился туда не один. Двое мужчин в бункере? Два любовника?

Мадам Савири была уже всего в

нескольких сантиметрах от него. Он мог почувствовать запах ее волос, как чувствуют дыхание огня в глубине очага.

— Убирайтесь, пока я не подала жалобу на вас тоже — за диффамацию и моральное давление! — прошипела она.

Он торопливо раскланялся, бормоча какие-то формулы вежливости и отступая, как перепуганный судебный исполнитель.

В вестибюль он вернулся бледным и измученным. Усталость от слишком короткой ночи разом навалилась ему на плечи. А еще он злился на военных. Он разрывался между двумя желаниями: набить им морду или завалиться спать прямо здесь, все равно где, хоть свернувшись калачиком, и ускользнуть в сон. Когда он увидел в холле трех черных воронов, первое желание показалось самым правильным, но ему пришлось довольствоваться воображаемой сценой.

У Ле Гана теперь болтался на ремне фотоаппарат.

— Зачем он вам сдался?

Ракообразный зачитал, как заученный урок:

— Операции по вскрытию должны

происходить в присутствии офицера уголовной полиции и специалиста из криминальной идентификации. Такого специалиста у нас нет. Я буду сам делать снимки.

Эрван нащупал в кармане мобильник и позвонил Крипо:

— Быстро сюда. Пришел черед трупа.

12

— А чего вы ждали? — удивился Мишель Клемант. — Ничего иного предложить не могу. Разобран на запчасти. И то на соседнем — вообще один фарш.

Судебно-медицинский эксперт только что откинул простыню с первого смотрового стола — на то, что осталось от Виссы, столов потребовалось два. В ярком свете хирургических ламп можно было различить кисть руки, обрубок туловища или же часть конечности, обожженную, с рваными краями.

Преодолев отвращение, Эрван заставил себя рассмотреть их. Во время взрыва бункер

буквально соединился с телом молодого человека. Некоторые фрагменты тела были изборождены осколками металла. В другие впился гравий. Одна деталь его ужаснула: он заметил на внутренней поверхности оторванной кисти татуировку в форме креста. Эрван вспомнил, что это отличительный знак православных коптов. Наверняка у родителей Виссы есть такой же...

— Мы собрали почти всё, — подвел итог Клемант. — Но отдельные части уже не сложить в единое целое: слишком многое выгорело, расплылось или было съедено крабами и морскими птицами.

Медэксперт явно любил поиграть в циника, да и внешность его говорила сама за себя: смазливая физиономия, величественные морщины, седеющая шевелюра, распахнутый халат, под которым элегантный наряд: вельветовые штаны, пуловер с V-образным вырезом от Ральфа Лорена, рубашка в небесно-голубую полоску, — парень созрел, чтобы сыграть в телефильме роль обольстительного главврача: *What else?*⁴¹

— На мой взгляд, снаряд взорвался внутри

блокгауза. Замкнутое пространство усилило взрывную волну.

Никто ему не ответил. Каждая из застывших от ужаса фигур была облачена в халат, хирургические перчатки и бумажную шапочку. Один Ле Ган крутился вокруг стола, делая свои снимки. Он-то казался наименее потрясенным. Сосредоточившись на выборе лучшего ракурса, он забывал, что именно у него перед глазами.

— Каждый из кусков был пронумерован на месте, — продолжил Клемант.

Он протянул руку к компьютеру, стоящему на подставке, и нажал клавишу. На экране появился чертеж: судя по всему, дыра от снаряда, окруженная цифрами, — распределение немногих останков Виссы на территории острова. Новая клавиша: высветились наброски человеческого силуэта, стоящего лицом и со спины. На данный момент только некоторые части силуэта имели цифровое обозначение.

— В результате парни собрали двенадцать кусков, не считая более мелких частиц, которые смешались с гравием. Я сейчас

занимаюсь тем, что виртуально наношу их в эту схему. Потом я посмотрю, что можно сделать с реальными останками. Лет десять назад я принимал участие в двух расследованиях такого типа. Взрыв химического комбината AZF в Тулузе и пожар в туннеле Мон-Блана. В любом случае родители этого видеть не должны.

Эрван вернулся к своей мысли:

— Есть уверенность, что тело было только одно?

— Простите, не понял?

— Среди фрагментов не может быть тех, которые принадлежат другому трупу?

— Разве что однорукому и одноногому: количество кистей и стоп у меня сходится.

Эрван кивнул. Сморозил еще одну глупость. Для полицейского опасность кроется в экстраполяции. Мозг всегда опережает расследование.

Медик прикрыл стол простыней, и Эрван физически ощутил, как в комнате спало напряжение.

— В подобном случае, — продолжил он, — что может дать вскрытие?

— Не слишком много. Повторяю: я только постараюсь собрать воедино куски для захоронения.

— А относительно причин смерти?

— Если вам нужны детали, можете просто прочитать характеристики снаряда.

— Время смерти?

Медик раздраженно уставился на Эрвана:

— Мы знаем точное время стрельбы. Что еще вам надо?

— Я хочу быть уверен, что Висса Савири был жив на момент взрыва. Вы назначили токсикологические анализы?

— Какой абсурд. Вы что, думаете, что он умер от отравления? В любом случае мне бы понадобился желудок. Большая часть органов сгорела.

— А патологоанатомическое исследование?

— Это заняло бы три недели.

— У вас есть способ установить время смерти?

— Нет. Учитывая состояние тела, можно забыть о трупном окоченении. Что до трупных пятен, я вам даже объяснять не собираюсь.

Эрван сменил курс; его решимость брала верх над неловкостью.

— Слишком много металлических фрагментов.

— Точно замечено, господин следователь, — бросил Клемант саркастическим тоном. — Это не только осколки бетона. Полагаю, снаряд содержал шрапнель или что-то в этом роде. Следовало бы провести анализ металлических вкраплений, но я не имею права.

Эксперт кивнул на военных, словно передавая им мяч.

— Военная тайна, — бросил Аршамбо. — На этот счет имеются абсолютно ясные приказы.

— В моем отчете не должно содержаться никаких данных о снаряде, — внес свою лепту Клемант.

— Это еще что за бред? — взорвался Эрван. — Мне нужен доступ ко *всей* информации. Закон один для всех!

— Невозможно, — гнул свое Дылда. — Впрочем, отчет сначала будет передан военным экспертам. Они должны оценить

степень конфиденциальности его содержания.

— Из-за этого мы потеряем несколько дней!

Аршамбо напустил на себя сокрушенный вид. Эрван не стал настаивать — проблемы следует решать по порядку.

— В любом случае я прошу вас провести как можно более полную аутопсию.

— Я понял. Сделаю все возможное.

— Также вы должны быть готовы к приезду экспертов.

Клемант посмотрел на Верни. Верни посмотрел на Эрвана.

— Предоставим дело команде специалистов, — пояснил полицейский. — Они приедут взять подногтевые соскобы и прочие образцы тканей.

— Что это за цирк?

Эрван не дал себе труда ответить.

— Лейтенант, — продолжил он, обращаясь к Аршамбо, — будете присутствовать при аутопсии. Вам положено — как офицеру военной контрразведки.

— Но... а снимки?

— Ле Ган одолжит вам свое оборудование. Также вам поручается объяснить ситуацию родителям. Им бы следовало снять гостиницу где-нибудь неподалеку.

Вареный Рак с сожалением расстался со своим аппаратом и объяснил Аршамбо, как он работает. Все пожали друг другу руки, так и не сняв хирургических перчаток. Эрван сам не понял почему, но это переплетение затянутых в латекс пальцев навело его на мысль о ректальном прощупывании.

13

Гаэль не пришлось звонить своему агенту, чтобы та подыскала ей кастинг. Игра называлась «Проигравший выигрывает». Она ничего не поняла в правилах. Имелось колесо, карточки с вопросами, и тот кандидат, который набирал наименьшее количество баллов, завоевывал победу. Искали девушку, которая будет крутить колесо — в бикини, *of course*.

Еще одна телевизионная хрень. Не важно.

Она должна быть на виду, любой ценой. У девушек типа нее голова была нашпигована именами и историями, подстегивающими их желание продолжать, — добившиеся известности актрисы, которые начинали карьеру, побеждая в дурацких конкурсах или подвизались на второстепенных ролях в тупых передачах. Луиза Бургуэн, бывшая «мисс метеопрогноз» на Canal+. Элена Ногуэрра, бывшая ведущая на Шестом канале. Айшвария Рай Баччан, бывшая мисс мира. Клаудия Кардинале, бывшая «самая красивая итальянка Туниса». Софи Лорен, бывшая «мисс элегантность»...

Гаэль огляделась. Складные стулья, кулер с водой, потертое ковровое покрытие. Что до конкуренток — никаких неожиданностей. Тех, что постарше, она знала: девицы, вечно околачивающиеся то в фешенебельном клубном ресторане «Кастель», то в ночном клубе «VIP», то в баре «Плазы». Другие только что прибыли из родной провинции. Стиля никакого, зато в наличии кое-что получше: молодость.

Рикошетом мелькнула мысль: ей скоро

тридцать, пропало дело. На выручку опять пришли легендарные примеры. Кейт Бланшетт добилась известности в тридцать, как Наоми Уоттс и Моника Белуччи. И не стоит забывать ту, кто была их признанной королевой: Шэрон Стоун, чья ослепительная звезда засияла в «Основном инстинкте», когда ей было уже тридцать четыре. *Надеяться не запретишь.*

Как ни странно, пока молодость была ее единственным капиталом, Гаэль выбирала тот образ жизни, когда год идет за два, а то и за три. Вечеринки. Выпивка. Наркота. Отказ не принимается. Приходилось подчиняться законам ночи. Да и сегодня она легла только в шесть утра. В «VIP» ей удалось пристроиться за столик известного кинорежиссера, который вещал во весь голос и пил вчерную. Когда наконец она подобралась к нему вплотную, тот уже безнадежно отключился, откинувшись на диванные подушки.

Она достала зеркальце и оглядела себя, тут же пожалев об этом признаке слабости в глазах окружающих. Но общий вид ей

понравился. Несмотря на круги под глазами, она сохранила мордашку славянской куколки.

Когда ей было шестнадцать, она и вообразить не могла, что в тридцать у нее будет такое лицо. На самом деле она не могла вообразить, что доживет до такого возраста. В то время она весила не больше тридцати двух кило.

Гаэль осознала свое тело только в переходном возрасте и только для того, чтобы постараться его уничтожить. Она прекратила есть и замкнулась в тотальном неприятии жизни. Тогда она и открыла для себя наслаждение отказа от пищи. Это пронзительное чувство голода, всегда вызывающее легкое головокружение. Она еще помнила свои обмороки: пьянящее чувство потери себя в окружении других людей. Тщетная иллюзия: очнувшись, она вновь обнаруживала свое тело — кучу отвратительной плоти, массу органов, вызывающих отвращение.

Ее штаб-квартирой были туалеты. Рвота, испражнение, рвота... Вечная изжога во внутренностях и во рту. Волосы выпадали.

Давление понижалось. Кровь плохо циркулировала. От малейшего толчка возникали гематомы и расцветали странными сиреневыми разводами. Она спала с открытым окном, чтоб возникал сквозняк, и ставила кондиционер на нижнюю отметку. Все больные анорексией (и манекенщицы) знают этот трюк: холод сжигает калории. Ее единственной радостью было то, что, двигаясь и дыша, она худела.

Однажды она приняла слабительное, поднатужилась и почувствовала, что из нее выходят ее собственные внутренности. Это стоило ей госпитализации — первой из нескончаемой череды последующих.

В специализированном отделении расстройств пищевого поведения она встретила себе подобных — истощенных, столь же молодых, сколь и полумертвых. Она восхищалась их огромными горящими глазами, их бесплотными силуэтами. Ей казалось, они сияют, как светлячки, которые горят всего ярче перед тем, как погаснуть навсегда.

Когда она вернулась домой, мать плакала,

отец ругался. Гаэль изобразила раскаяние, обещала хорошо есть, но избегала собственной тарелки, как обходят стороной дыру в нужнике.

В девятнадцать лет она впала в кому. Ее реанимировали, посадили на внутривенное питание. Ей удалось сползти с больничной койки и доплестись до шкафа, чтобы достать переданное ей тайком зеркальце. Здесь, как в замке вампиров, любое отражение было под запретом. Она пересчитала свои синяки. Провела рукой по проступающим сквозь кожу костям. И вдруг пришла в чувство. Ну или почти. Она подошла к проблеме с другой стороны и больше никогда не отказывалась от еды.

Она принялась опустошать супермаркеты, забивая свою тележку бифштексами, или пользовалась скидками на «Гранолу» — двенадцать упаковок мюсли по цене шести. Холодильник стал ее лучшим другом. Она ела, обжиралась, толстела, уйдя в одиночное плавание со стрелкой весов вместо компаса.

Ее тело приобрело форму, предписанную природой. Округлые плечи, аппетитные

ягодицы, налитые груди. Тело, которое хочется пощупать или съесть — на выбор. Снова появились месячные. Вокруг нее начали крутиться мужчины. Смесь лестного внимания и враждебной опасности.

Сначала она не поняла. Гаэль провела отрочество в больницах. Открытие секса, пробуждение желаний — все это было сметено фанатичной борьбой с весом. Теперь она познавала свое женское тело и то, какое воздействие оно оказывает на мужчин. Хозяин бара, где она работала по выходным, завалил ее на кухонный стол и с хрюканьем стал задира́ть юбку. Друг отца, префект и депутат, потащился за ней до самых туалетов в зале официальных делегаций, чтобы сунуть ей под нос свой член. Или же тот актер, женатый и с тремя детьми, заваливший ее СМС, каждой из которых его можно было шантажировать до конца дней.

В результате она поняла, что не должна бояться. Наоборот, эта сила принадлежала ей. Она будет сводить их с ума и контролировать их безумие. Она начала соответственно одеваться, отрабатывая жесты и макияж.

Поначалу она совершила немало оплошностей, как те супергерои, что только-только открыли в себе небывалые возможности, потом постепенно научилась управлять своим магнетизмом и использовать его. Сегодня, входя в ресторан, она мгновенно улавливала ту дрожь, которую вызвала, ту вспышку сексуального влечения, которую она порождала.

Она была одновременно добычей и хищником. Тело, которое она так ненавидела, стало ее оружием.

— Как насчет перекурить?

Перед ней стоял рахитичный типчик в болтающейся несвежей майке. Он протягивал пачку «Мальборо», словно это было предложение века.

Гаэль мгновенно оценила парня: полугомик-полусутенер.

— Не курю.

Тот, не переставая улыбаться, уселся рядом. На глаз ему было лет двадцать пять, но небритые черты уже скрывали нечто прогорклое.

— О делах бы потолковали.

— О каких именно?

— А ты шутница. — Он понизил голос. — Я тут работаю. Мог бы подсказать, чего они ищут.

— И так ясно, разве нет? — сказала она, кивнув на остальных девушек.

Парень хмыкнул и протянул худосочную руку:

— Кевин.

У Гаэль мелькнуло ощущение, что она сжимает куриную лапку. Она бросила взгляд на стулья, которые пустели один за другим: еще две кандидатки, и будет ее очередь.

— Ты вроде собирался выйти покурить? — вздохнула она.

— Лучше попытаю счастья с тобой.

— Считай, попытал. Можешь идти.

Он снова хмыкнул, как пукнул:

— Да я правда могу помочь. Подведу тебя к продюсеру и...

— Плевать мне на этот кастинг.

— Ты правда класс! — сказал он, захохотав. — У меня есть как раз то, что тебе нужно.

— Я не могу ничего подписывать, пока дело не будет квалифицировано, — по телефону гнула свою линию Мюриэль Дамас. — Как вам «непредумышленное убийство» и «халатность с отягчающими»?

— Ого, об убийстве речи не было... Ведь это ж армия и...

— Если не употребить этот термин, мы не сможем вызвать ребят из научного отдела.

— НТП?...⁴² Да зачем?

— Произвести изъятие элементов останков и организовать полное прочесывание места преступления на острове Сирлинг.

— Места преступления? Не стоит преувеличивать...

Эрван обращался не только к заместителю прокурора — послание было адресовано также Ле Гану и Верни, сидящим на заднем сиденье. Свою машину они оставили Аршамбо. Криво за рулем, казалось, развлекался происходящим.

— Ситуация и так довольно сложная, —

пожаловалась представительница магистрата. — Мне сказали, что вы приехали просто собрать факты!

— С максимальной точностью. Я также хотел бы обсудить с вами некоторые процедурные детали...

В области писанины она почувствовала себя куда уверенней. Последовала маловразумительная беседа, где фигурировали «обращение о принятии дела к производству», «совместное наложение ареста», «ходатайства», «обыски» и прочее. Каждый пересчитывал своих цыплят. Они пришли к рабочей договоренности по каждому пункту или почти.

— Что касается остального, — заключила она, — я должна согласовать с начальством. Я вам перезвоню.

Молчание в машине. Они двигались по шоссе 168 в направлении Кэрверека. Под колкими полупрозрачными струями дождя мимо проплывал современный сельскохозяйственный пейзаж во всей своей гнетущей банальности.

Не выдержав, Верни заговорил:

— Если хотите, я свяжусь с научной группой, нужно будет...

— Позже, — оборвал его Эрван. — В котором часу я смогу увидеть пилота, выпустившего снаряд?

— Филиппа Фернио. Он будет в «Кэрвереке» в шестнадцать часов.

Ле Ган просунул красную физиономию между двумя подголовниками:

— Лучше уж я вас предупрежу: он у нас местная знаменитость. Один из лучших пилотов своего поколения. Был в Ираке и Афганистане. Постарайтесь не относиться к нему как к подозреваемому.

Эрван не ответил. Ле Ган заколебался, потом опять привалился к двери.

— А курсантов?

— Которых? — спросил Верни.

— И посвящавших, и посвящаемых. Я бы хотел опросить их еще до вечера. Сколько всего их?

— Двадцать старых и двенадцать новых. Ну, теперь одиннадцать...

— Подыщите мне два помещения. Мы с помощником опросим их по одному.

— Как пожелаете, но я не совсем понимаю, какой...

— Им приказано не выходить из своих комнат?

— Нет. А зачем?

— Они общаются друг с другом?

Снова молчание. Никто не принял ни малейших мер по соблюдению режима неразглашения в отношении курсантов.

— Занятия, по крайней мере, не возобновились?

— На сегодня все приостановлено. Но мы не можем до бесконечности...

Скрипнув дождевиком, Ле Ган придвинулся. Когда его голова снова возникла между спинками кресел, Эрван подумал о желтке в кетчупе.

— Не знаю, чего вы добиваетесь, но вы меняете всех ролями. Висса Савири сбежал. Он нарушил свой долг. Он умер, и это несчастье. Но не начинайте перекладывать вину на других!

— Вообще говоря, — резко бросил Эрван, — я выступаю на стороне мертвеца. В интересах расследования свидетели катего-

рически не должны контактировать друг с другом.

— Но свидетели чего, собственно говоря?

Эрван не ответил.

— Сверните направо, — проворчал Ракообразный. — Через два километра приедем.

Крипо повернул, и внезапно открылось море: черное кипение с серой бахромой смешивалось с темным небом в тусклом припое гальки. Наконец-то настоящая Бретань. Зеленые и белые скалы с вертикальными провалами походили на чудовищных зверей с фосфоресцирующими шкурами, разинувших необъятные пасти, чтобы напиться из источника всего мира.

Этот исконный пейзаж включал в себя и традиционные жилища: сланцевые крыши и синие ставни. Туристы были еще здесь. Строгие шикарные силуэты под зонтиками, в полосатых бермудах и свитерах, накинутых на плечи и завязанных узлом. Обход домов непременно что-нибудь даст.

На заднем сиденье Ле Ган бормотал в телефон приказы. Доносились обрывки: «и

пусть каждый сидит в своей комнате»,
«раздельное время обеда».

Крипо переключил дворники на большую скорость и чуть не проскочил крутой поворот. Это было как подтверждение: дальше только море, горизонт, небо. Они добрались до края мира. Финистер. Конец земли.

— Я могу увидеть врача базы? — бросил Эрван в кулисы.

Слово опять взял Ле Ган, но уже поспокойней:

— Нет его, и уже давно: бюджет сократили.

— И что вы делаете, если возникает проблема?

— Отправляемся в клиники «Морван» или в «Cavale Blanche», как все.

— А во время посвящения?

— При необходимости вызываем местного врача из Кэрверека, доктора Алмейду.

— Я хочу его увидеть.

— Но я не понимаю, мы...

Конец фразы был заглушен плеском лужи, со всего размаха окатившей стекла. Ле Ган сдался.

Наконец дорожный щит возвестил: «Кэрверек-76». Еще несколько сот метров, и появился фасад школы. Гербы на фронтоне и бело-красный шлагбаум, как на железнодорожном переезде, отмечали вход.

— В первую очередь, — заметил Верни, — вам следует встретиться с полковником Винком.

Эрван уже где-то слышал это имя, но никак не мог вспомнить, где именно.

— Кто это?

— Руководитель школы.

— Я полагал, его зовут Ди Греко.

— Адмирал является начальником штаба. На месте всем распоряжается полковник.

Часовой в дождевике поднял шлагбаум. Наконец-то они окажутся в укрытии, но Эрван испытал прямо обратное чувство: они покидали успокоительный внешний мир, чтобы окунуться в замкнутую вселенную, папахивающую тюрьмой.

Эрван ожидал увидеть крупную базу. «Кэрверек» походил на начальную школу: квадратный двор, страшноватые сооружения с плоскими крышами, крытые галереи вдоль каждого здания, как в селениях Дикого Запада.

Они припарковались на стоянке и поспешили укрыться под навесом справа. Ле Ган тут же отправился предупредить полковника Винка. Эрван отряхнулся. Он уже понял, что от влажности больше ни спасения, ни продыху не будет.

— В глубине двора, — давал пояснения Верни, чтобы заполнить время, — аудитории для разбора полетов и административные помещения. Напротив нас классы, спальни и ванные комнаты. За нашей спиной столовые, гимнастический зал и комнаты для досуга.

— Не очень просторно.

— В «Кэрверек» не больше тридцати курсантов плюс инструкторы, операторы, руководящий штаб и контингент солдат, охраняющих материальную часть. Всего меньше ста человек. А вот вокруг — территории обширные: полоса километр в

ширину и три в длину отделяет нас от моря. Учитывая цену квадратного метра на побережье, это невероятная роскошь.

— Именно на этой территории и были оставлены курсанты?

Верни сделал вид, что ничего не слышал:

— Можно показать вам ангары и полигоны, если хотите. На базе размещен десяток самолетов и...

Эрван больше не слушал. Флаги приспущены — долг памяти Виссе, конечно же. Всего флагов четыре: французский, европейский, бретонский и еще один, с неизвестными гербами — лебедь, шпага, корабль... куда ни кинь, всё символы школы.

Он почувствовал, как в нем поднимается природное отвращение к мундиру. Он ненавидел и военный дух, и внешние признаки, с ним связанные. В тех редких случаях, когда ему самому приходилось надевать форму — выпуск в Высшей школе полиции, вручение медалей, — это было мукой мученической. К тому же его единственный мундир всякий раз напоминал ему о набранных килограммах.

— Ну куда он подевался? — вдруг потерял терпение Верни. — Пойду посмотрю.

Жандарм исчез. Криво прислонился к столбу, как ковбой из вестерна, и свернул себе сигаретку.

В этот момент через двор прошли два пилота. Поверх комбинезонов на них были надеты какие-то дополнительные штаны, кажется надувные.

— Похожи на Бибендумов⁴³, — заметил Эрван.

— Это из-за перегрузок, — бросил Криво, прикуривая свою сигарету.

— Что?

— Это противоперегрузочные комбинезоны. В реактивном самолете сила тяжести может за несколько секунд достигать восьми g, то есть восьмикратно превышать вес твоего тела. Тогда кровь отливает от головы к ногам, лишая мозг питания, и ты в отключке. Вот и причина подобного обмундирования: внутри у него жидкость, которая подвергается такому же давлению, сжимает ноги и не дает крови спуститься вниз. Они его еще «ползунками» называют.

— Ты-то откуда это знаешь?

— А я на диво образованный.

Дождь по-прежнему хлестал по асфальту и крышам с гулом летящей шрапнели, в который изредка вклинивалось хлопанье флагов или крик чайки. Наконец объявились Ле Ган и Верни: они сопровождали мужчину среднего роста, лет пятидесяти, одетого в камуфляжный костюм. Расцветка идеально подходила к его коротко стриженным серебристым волосам.

Рукопожатие. Его лицо вызывало мгновенную симпатию. Над бретонской серой тусклостью всходило южное солнце: загорелая, почти золотистая кожа, синие глаза — все наводило на мысли о Лазурном Береге.

— Мне очень жаль, — улыбнулся он, представившись, — но я не могу принять вас в своем кабинете. Ремонт должен был закончиться еще до начала учебного года, но не получилось.

— Нет проблем.

Эрван задал себе вопрос, не было ли это тактическим приемом, призванным выбить их из колеи или заставить почувствовать себя

нежеланными гостями? Офицер завел длинную речь на чистейшем «канцелярите», сожалея о «прискорбном инциденте», этой «трагедии», но неизменно возвращаясь к абсолютной необходимости срочно завершить расследование и возобновить занятия. Он изъяснялся в рубленой, стенографической манере, принципиально не затрагивая некоторых тем и щедро начиняя фразы казарменными формулировками, вроде «птички», «аксели», «салаги», «лычники», или же словами вообще загадочными, такими как «газер», «бустер» или «овершутер».

Не стараясь вникнуть в детали, Эрван расшифровал послание: «делайте свое дело и отваливайте». Винк не переставал улыбаться. Красивый мужик, уверенный в собственном обаянии. Он и сегодня оставался тем летчиком, о котором грезят девицы.

— Сколько времени уйдет на сбор фактов и подтверждение информации? — спросил наконец Винк.

— Зависит от фактов.

— Что вы хотите сказать?

— Что еще слишком рано давать ответы.

Мы не можем предвидеть, что нам предстоит обнаружить.

Улыбка испарилась.

— Нечего здесь обнаруживать. Боец решил избежать посвящения и сбежал.

— Это всего лишь гипотеза, — заметил Эрван. — Единственная конкретная вещь, которую мы имеем, — это тело, обнаруженное в бункере после взрыва снаряда. Такова отправная точка. Но не конечная.

Полковник бросил вопросительный взгляд на Ле Гана и Верни, потом заложил руки за спину и принялся расхаживать, опустив голову. Дождь отбивал дробь, как барабаны в цирке при исполнении коронного номера.

— Делайте как лучше, — заключил он, глянув на часы, — но время поджидает. SIRPA мне названивает каждый час, желая знать, что они могут сказать, а что нет.

SIRPA: армейская Служба информации и связей с общественностью. Странно, что Винк первым делом назвал именно это средство оповещения.

— Не считая главного отдела кадров

морского флота и информационной службы Министерства обороны! — добавил он. — В наши дни все помешались на средствах массовой информации! — Он внезапно воздел указательный палец. — Главное, не забудьте: никогда не используйте в своих отчетах слова «дедовщина» и «издевательства»! Можете говорить о «передаче традиций», или «уик-энде интеграции», или же о «педагогической преемственности»... сами подыщите, в какой форме лучше! Эти хреновы ассоциации «по борьбе с неуставными отношениями» вцепятся нам в загривок, как только до них дойдет.

— Понимаю.

— Ничего вы не понимаете. Подготовьте мне рапорт к завтрашнему утру, вот все, что от вас требуется. Несчастный случай есть несчастный случай. Не будем же мы всю осень с ним возиться!

Он коротко кивнул в знак прощания и направился прочь.

— Полковник, еще одна деталь. Занятия сегодня возобновились?

— Нет. А что?

— Мы только что видели двух пилотов в летной форме.

— Просто тренировочные полеты. У нас строгое расписание. Отменить невозможно. — Он мрачно усмехнулся. — Не думаю, что на высоте в две тысячи километров они сильно помешают вашему расследованию.

Вдали послышался нарастающий рев моторов. Полковник исчез. Ле Ган и Верни расслабились, едва скрывая свое удовлетворение тем, что Эрвана поставили на место.

— В комнату Виссы, — бросил он, возвращая себе право первой руки.

— Вы не хотите сначала освободиться от своих вещей?

— Обойдемся.

Четверо мужчин направились через двор к общежитию.

— Мусор уже убрали?

— Какой мусор? — спросил Ле Ган.

— Оставшийся после пятницы, субботы, воскресенья. Мусор после посвящения.

— Вывезли сегодня утром, а это-то здесь

при чем?

Эрван не ответил.

В вестибюле никаких сюрпризов не наблюдалось: кофемашина, доска с несколькими объявлениями, этажерка со старыми журналами. На втором этаже коридор без малейших украшений. Полицейскому нравилась такая форма аскетизма, пусть даже стены казались картонными, а отклеившийся линолеум вздувался при каждом шаге. За дверями слышались звуки радио и телевизоров: пилоты сидели по своим комнатам. Эрван и Кристо переглянулись. Они были вестниками беды. Верни остановился перед большим желтым крестом из сигнального скотча, перегораживающим вход в одну из комнат:

— Вы получили разрешение от прокуратуры снять опечатывание?

— Нет проблем.

Эрван поставил свою сумку и содрал скотч. Кристо передал ему пару латексных перчаток. Он натянул их, прежде чем взять ключ, который протянул Верни.

Квадратная комната площадью метров

двенадцать. В углу умывальник. Две кровати по обеим сторонам окна, прямо напротив двери. Два металлических шкафчика, как те, что стоят в гимназических раздевалках, служили и платяными, и бельевыми, и прочими. Рядом с каждой кроватью письменный стол. На одном из них куча предметов: ноутбук, будильник, мобильник. Личные вещи Виссы.

— Никто ничего не трогал, — подтвердил Верни. — Сосед спит в другом месте. Он забрал свои вещи.

— Уложите это все в мешок и опечатайте до приезда техников. — Эрван отметил безупречную чистоту пола и пустые корзины для бумаг. — Здесь сделали уборку.

— Курсанты убирают по очереди, — пояснил Ле Ган. — Каждое утро двое из них моют комнаты. Суббота не была исключением. Никто еще не знал, что Висса исчез.

— Значит, те двое были стариками?

— Конечно. На протяжении сорока восьми часов Крысам... я хочу сказать, новичкам доступа в здания нет.

— Найдите парней, которые здесь убрали.

— У вас слабость к мусору, — съязвил военный.

Эрван проигнорировал замечание.

— Найди двух свидетелей и займись осмотром, — сказал он Крипо. — Никаких курсантов или инструкторов: секретарши, административный персонал. Проверь все досконально. Шансов мало, но все же попросим техников прочесать здесь все сверху донизу.

— Что-то до меня не доходит, — вмешался Верни. — Мы вовсе не ожидали, что...

Полицейский повернулся к нему:

— Подполковник, складывается впечатление, что вы не понимаете ситуацию в целом, а у меня не хватает слов, чтобы все вам спокойно объяснить. Скажем так: мы начинаем с нуля.

16

Комната, в которой их разместили, была точным подобием комнаты Виссы, но с

ванной в придачу.

— Садитесь.

Эрван попросил Ле Гана и Верни пойти с ними. Оба ворона ухватили по стулу и с взъерошенным видом уселись рядышком за письменный стол. Дождь по-прежнему хлестал по стеклам, рассекая время на тончайшие пласты.

— Я еще не видел составленных вами протоколов, но уверен, что там комар носа не подточит. Просто у нас налицо смерть человека. Несчастный случай или что-то иное. Мы не должны ничего исключать. Даже преднамеренное убийство.

Ле Ган выпрямился на своей жердочке:

— Откуда вы только берете подобные глупости?

— Такова моя профессия. Возможно, Висса был уже мертв, когда его поместили в бункер. Возможно, кто-то знал, что «рафаль» ударит именно по этой цели. Прекрасный способ уничтожить все следы преступления.

— Никто не может знать о цели до начала маневров, — возразил жандарм.

— Нам предстоит в этом удостовериться. А

сейчас нам необходимо подкрепление. Где базируются ТИС?

— Наши кто? — спросил Лангуст.

— Техничко-идентификационная судебная служба, — подсказал ему Верни, прежде чем обратиться к Эрвану: — В Ренне. Думаю, они смогут прибыть завтра.

— Сегодня вечером. И среди прочих мне нужен спец по пальчикам и слепкам.

— У нас стоит ANACRIM⁴⁴.

— Отлично. Заодно пусть сделают заборы органики. Сначала в комнате Виссы. Завтра утром на Сирлинге. У вас есть эксперты, способные работать на мокрых почвах или даже в воде?

— Техники по подводным расследованиям, да.

— Скажите, чтобы прихватили помпу. Я хочу прочесать дыру, оставленную снарядам.

Жандарм заволновался. Эрван вышагивал по комнате, заложив руки за спину, невольно подражая полковнику Винку:

— Что до Виссы, Крипо займется распечатками его звонков, но ему нужны подручные. Сколько жандармов вы можете

собрать к завтрашнему утру?

— С десяток.

— Прекрасно. Еще мне нужна расшифровка всех переговоров в регионе. Все данные с местной вышки сотовой связи.

Верни невольно присвистнул. Эрван покачал головой:

— В ландах не должно быть слишком уж много звонков.

— А запрос в компании?

— Прокуратура подпишет. Мы можем сослаться на условия очевидности⁴⁵, что дает нам свободу действий на срок в неделю. Что касается компьютера, у вас есть кто-нибудь стоящий?

— Есть один энтишник. Лучший в Бретани.

«Энтишник» означало «специалист по новым технологиям». Эрван знал жаргон жандармов.

— Он из Бреста, — продолжил Верни. — Если не в отпуске, то сможет приехать еще до вечера.

— А если в отпуске, найдите еще кого-то. К исследованию компа надо приступить в ближайшие часы. Расшифруем данные, и

кто-нибудь из ваших людей пройдет по ссылкам и выделит все, что может содержать информацию о связях Виссы, о его сексуальных пристрастиях и прочем.

— Почему сексуальных? — привскочил Ле Ган.

— Потому что Интернет — это самая большая машина для дочки, какую только придумывал человек. Удовлетворены?

— Не вижу связи с его дезертирством.

— Да бросьте вы наконец: этот сценарий не выдерживает критики. Нет никаких оснований думать, будто Висса, горящий желанием стать пилотом и, кстати, вовсе не похожий на труса, вышел в море, испугавшись, что его заставят отжиматься или жрать собачью еду. Не говоря о конкретных деталях, которые не увязываются.

Командиры свесили голову. Больше об этом речи не будет.

Эрван наклонился к ним, упершись руками в колени, точно спортивный тренер:

— Теперь о ваших специальных заданиях. Верни, вы пошлете группу в район причала,

чтобы прояснить эту историю с судном. Там вообще люди живут?

— Туристы. Рыбаки тоже, но они наверняка в море.

— Заставьте их вернуться. Есть у них жены, дети?

— У большинства — да.

— К завтрашнему вечеру я хочу иметь протоколы опросов. Позвоните также в управление порта Кэрверека. Может, у них есть способ выяснить, кто в ту ночь выходил в море.

— Не уверен.

— Так уверьтесь! Мне также нужны метеоусловия. Хочу знать, могла ли лодка легко добраться до Сирлинга. Ле Ган, вы возьмете двух парней и просмотрите все видеозаписи базы с пятницы.

У бретонца изменилось лицо. И он исподтишка бросил взгляд на Верни.

— Какая-то проблема?

— Есть традиция... Во время посвящения камеры отключают.

— Ушам своим не верю, — пробормотал Эрван. — Никакого наблюдения на

протяжении сорока восьми часов? На территории, где находится военная техника?

— Самолеты надежно укрыты в запертых ангарах, а занятия официально еще не начались. Это проявление толерантности и...

— Вы боитесь, что на запись попадут все мерзости ваших Лисов?

— Напротив! — оскорбился Ле Ган. — Мы стараемся защитить честь новичков! Если вдруг один из них сломается, лучше, чтобы следов не осталось.

Эрван устало махнул рукой:

— Тогда вплотную займитесь Виссой. Перекопайте все, что имело к нему хоть малейшее отношение. Поройтесь в прошлом. Семья, здоровье, учеба, друзья, образ жизни в Ле-Мане, египетские корни, личные характеристики...

— Но... кому мне звонить?..

— Сами разберитесь. Родители описывают его как страстного одиночку, но наверняка всего не знают. Проверьте, была ли у него девушка, хобби, навязчивые идеи, враги. Я хочу также знать, был ли у него опыт морехода.

— Я думал, вы не верите в эту версию.

— Сколько раз вам повторять? Я ни во что не верю: я здесь, чтобы найти! Когда Аршамбо вернется со вскрытия, введите его в курс дела. Пусть проверит подноготную каждого курсанта. Мне нужны данные на всех парней, которые принимали участие в этой сраной ночи.

— А расходы? — вдруг спросил Верни.

— Вы выставите счет на контору, а мы свой — на Угро. Это совместное расследование. Расходы будут возмещены Гражданским судом Ренна. Вы подготовили для нас кабинет?

— Понимаете...

— Нет проблем, — прервал его Эрван, открывая сумку и выкладывая на стол ноутбук. — Нам и здесь хорошо. Добудьте - доски, подставки и блок розеток. Ваши парни тоже разместятся в школе. Все спят здесь до конца расследования. Никто не выйдет из этих стен, пока мы не установим точную картину. Есть возражения?

Они поднялись, ничего не ответив. Замкнутое выражение их лиц могло сойти за

согласие.

— Сейчас шестнадцать часов, — заметил полицейский, бросив взгляд на наручные часы. — Время встречи с пилотом, так ведь?

17

Согласно полученной Эрваном информации, капитан Филипп Фернио, тридцати восьми лет, командир звена с 2009 года, на данный момент командир авиационной группы «Гасконь», имел на личном счету двадцать пять боевых вылетов, тысячу восемьсот полетных часов, из которых тысячу сто на «рафале». Герой ждал его в помещении, отведенном следователям из Парижа. Безликая столовая, где стояли длинные столы и тренога с рулоном белой, довольно мятой бумаги.

Фернио сидел в глубине зала, так что все кафе было у него перед глазами; под морским бушлатом на нем все еще был надет комбинезон, состоящий из цветных лоскутов и нашивок, что делало его похожим на

чемодан. Эрван поздоровался, устроился напротив, открыл свой ноутбук и молча, как если бы был один, принялся что-то записывать. Наконец он попросил пилота изложить свою версию случившегося.

После первых же ответов Эрван понял, что имеет дело с кем-то вроде андроида, лишенного всяких чувств. Фернио не выказывал ни сожаления, ни грусти в связи с гибелью двадцатидвухлетнего молодого парня, чье тело было превращено в кашу выпущенным им снарядом. Казалось, он вообще не имел собственного мнения по этому поводу.

Его изложение событий сводилось к нескольким словам. В субботу, 8 сентября, в 7:10, взлет с «Шарля де Голля». Направление: остров Сирлинг. Цель неизвестна. С двумя другими «рафалями» Фернио, действующий пилот и одновременно командир группы, выполнил несколько кругов над объектом в ожидании приказов. Как только цель была идентифицирована, ему оставалось только запустить предустановленную программу — для каждого потенциального выстрела

существовал отдельный алгоритм команд. Снаряд поразил цель. «Рафаль» перешел в режим дожигания — резкое ускорение, если Эрван правильно понял. Посадка на палубу «Шарля де Голля» в 7:38. Согласно показаниям компьютера, радаров и сведениям командования, задание выполнено безукоризненно.

— Добавить мне больше нечего, — заключил пилот. — Во всей этой истории я просто одно из звеньев цепи. Ведомые прикрывали мои тылы, контрольный радар обеспечивал данные о воздушном и наземном пространстве, инженерная группа анализировала каждый параметр. Не считая вышестоящих командиров, которые ежесекундно отслеживали ход полета. — Он встал и застегнул молнию бушлата. — Если кто-то должен за это ответить, ищите его на земле. Среди тех недоумков, которые позволили этому несчастному салаге спрятаться на острове.

— Сидите.

— Мы тут теряем время, и вы и я.

— Вы рискуете потерять его куда больше.

Пилот наклонился к Эрвану. Физически он полностью соответствовал своей манере высказывания: выбритые виски, квадратная челюсть, стрелка на шкале мимики стоит на нуле.

— На что вы намекаете? — пророкотал он.

— Я ни на что не намекаю. На данный момент вы являетесь подозреваемым в ходе расследования непреднамеренного убийства военнослужащего. Мне бы следовало здесь и сейчас заключить вас под стражу до получения результатов предварительного расследования. Поэтому сядьте, пока наша беседа не перешла в совсем иную тональность.

Пилот уже открыл рот, чтобы заорать, но одумался и улыбнулся. По лицу собеседника Эрван ясно видел, как к нему возвращается привычное хладнокровие.

— Отлично, — уступил Фернио, подчиняясь. — Давайте ваши вопросы.

— Каковы были официальные установки этого задания?

— Пилоты проходят квалификационные испытания «воздух—земля» каждый год. Это

одновременно и тестирование, и тренировка. Как командир звена, я не являюсь исключением из правила. Наоборот.

— Вы не кажетесь взволнованным тем, что произошло.

— Я здесь ни при чем, повторяю. Я следовал приказам в заданном режиме. Если информация, которой меня снабжали, не соответствовала реальности, это их разборки. Я не могу быть одновременно за штурвалом и на земле, чтобы проверить, обеспечена ли безопасность зоны. У каждого свое дело.

Фернио был прав на все сто, но Эрвану хотелось его подразнить.

— Куда приказали, туда вы и выстрелили, так у вас положено?

— Как и у вас. Если вам охота партизанить, лучше не выбирать ни армию, ни госслужбу.

— Но это вы стреляли по бункеру, да или нет?

— Нет. Вы вообще слушаете, что вам говорят? Все компьютеризировано, я же только что объяснил. И полет, и ведение огня. На базе определяют цель, остальное делают компьютеры.

— Кто принимает решение, какая цель должна быть уничтожена?

— Никто. Вероятностная программа случайным образом определяет мишень. Информация поступает в последний момент.

— Если бы стало известно, что в бункере человек, вы могли бы прекратить операцию?

— Разумеется. Специальная кнопка позволяет все остановить: «Немедленный выход». Можно также отключить автопилот.

— Расскажите мне о снаряде, который попал в бункер.

— Перестаньте говорить «бункер». Моей целью был тобрук.

— Какого типа снаряд вы выпустили?

— Вы еще не говорили с моим начальством?

— Нет еще.

— Вам следовало начать с них. Я не могу вам ничего сказать. Военная тайна. Кстати, я ничего и не знаю. Мы никогда в точности не знаем, какого типа ТБЗ.

— Какого типа что?

— Трассирующий бронебойный зажигательный снаряд.

Вернулись воспоминания. У Эрвана было несколько командировок в заморские территории Франции, когда там случались подозрительные смерти. Он встречался с представителями местной военной элиты, которые поразили его контрастом между их интеллектом в бою, познаниями в области вооружения и дебильностью в гражданской жизни. Эти типы, которые обладали правом убивать и могли хладнокровно пытаться человека или же отрезать себе часть тела, чтобы вырваться из ловушки, были теми же, кто писал в бутылочку с шампунем коллеги или ржал над анекдотами про Тото⁴⁶.

Внезапно Фернио хлопнул себя по коленям и снова поднялся:

— Ладно. Хватит с меня этой хрени. Кстати, все изложено в моем рапорте о полете. Могу только вас заверить, что у нас ни малейших сомнений не возникло. Иначе мы, безусловно, отказались бы от стрельбы.

Эрван тоже встал. У него мелькнула мысль:

— Если бы человек спрятался там в последнюю минуту, в этом тобруке, у вас были бы способы его засечь?

— Разумеется. Как только цель определена, радары фокусируются на ней.

— Какие радары?

— Сейсмические, термические: те, что ведут нас до попадания в цель, что проверяют, нет ли движения внутри, нет ли на объекте какого-либо источника тепла.

При этих словах выражение лица у него изменилось. Фернио сам только что осознал основополагающий факт: если его оборудование ничего не засебло, значит Висса был уже мертв.

Эрван никак не отреагировал. Первое правило: не показывать свидетелю, насколько важную информацию тот выдал. Второе правило: никогда не казаться удивленным.

— Вы знали Виссу Савири?

— Нет.

— А других курсантов «Кэрверека»?

— Ни одного. В жизни здесь не бывал. Я служу на «Шарле де Голле». Моя база в Каркассоне.

— Вы пойдете на похороны?

— Как все. Выразим положенные сожаления.

— Непохоже, чтоб вам это нравилось.

— Мне жаль салагу, но эти церемонии не вернут его к жизни. И все по вине наземников: то, что произошло, непрофессионально, и я не собираюсь расплачиваться за этих придурков.

Впервые он выказал некое чувство, и этим чувством был гнев.

Для окончания разговора Эрван выбрал нейтральную почву:

— А вы сами проходили посвящение?

— Конечно.

— Где?

— В Центре пилотирования в Салон-де-Провансе.

— Ну и как прошло?

Пилот невольно рассмеялся. Как компьютер, он мог переключаться с одной программы на другую: нейтральность, гнев, веселье...

— Шуточки. Ничего особенно обидного.

Эрван проводил Фернио до двери, пробормотал несколько обязательных административных формулировок: бумаги подписать, вышестоящих уведомить.

Оставшись один, он включил мобильник. Мишель Клемант, судмедэксперт из «Cavale Blanche», звонил ему во время допроса.

18

— Вы были правы, — сразу начал медик изменившимся голосом. — Висса Савири умер до взрыва. Я провел углубленное исследование, и выявились новые детали. Прежде всего — трупная окоченелость. Изучив угол перелома частей тела, я пришел к однозначному выводу, что в момент взрыва жертва уже окоченела. Тело, сохранившее гибкость, не может так ломаться, даже под воздействием мощной ударной волны. Я также рассмотрел фотографии фрагментов тела на острове. Между ожогами, следами копоты и металлическими осколками я обнаружил покраснения, которые исчезли, когда останки были доставлены к нам: трупные пятна. Вы ведь знакомы с принципом их образования: когда субъект умирает, кровь перестает циркулировать и

скапливается в виде подкожного слоя.

— И что?

— Эти фотографии были сделаны в субботу в полдень. Тогда, очевидно, пятна достигли максимальной интенсивности окраски — стадия, которая наступает через двенадцать часов после смерти. Подсчитайте сами: паренек умер накануне, около полуночи.

В голове Эрвана промелькнула первая гипотеза. Во время «охоты на человека» Лисы взяли за Виссу слишком жестко, отчего мальчишка и умер. На том этапе все еще могло сойти за непреднамеренное убийство. Неудачное падение на камень, сердечный приступ и так далее. Нападавшие запаниковали. Они позаимствовали «Зодиак» на причале и направились на Сирлинг. Спрятать тело в тобруке показалось хорошей мыслью: не пришлось закапывать. Обнаружили бы останки очень не скоро. Если б только уже назавтра снаряд не эксгумировал покойного.

— Тут еще одно... — продолжил Клемант, утративший всю свою надменность. — Я отметил два типа ранений. Те, которые не

кровоточили и наступили после смерти, и другие, которые кровоточили. Виссу пытали и изувечили... при жизни.

Прощай, гипотеза о несчастном случае. Эрван сразу перешел к другой версии, куда более скверной: Лисы оторвались на своей жертве.

— По вашему мнению, от чего он умер?

— Трудно сказать, но с ним обошлись с чудовищной жестокостью. Резаные раны, разрывы, увечья.

В конечном счете отец оказался прав: Эрван именно тот человек, который требовался. Когда речь шла о самых чудовищных убийствах и наиболее грязных инстинктах, именно ему поручалось навести порядок. По ассоциативной цепочке он пришел к мысли о родителях мальчишки. Кто сообщит им новость?

— Что вы можете сказать о методах убийцы или убийц?

— Пока ничего, но я изучу каждую рану и постараюсь, так сказать, восстановить ее историю. Те, кто с ним такое сотворил, настоящие мясники. Я сделаю

токсикологическое и патологоанатомическое исследование того, что осталось от органов. Кто знает.

Готовности сотрудничать у Клеманта явно прибавилось по сравнению с их первой встречей.

Эрван уже собирался дать отбой, когда тот добавил:

— И последняя странная деталь. Я думаю, ему обрили голову.

— Вы уверены?

— Почти.

— Это не результат взрыва или огня?

— Нет, видны следы машинки для стрижки. Может, это было частью ритуала.

— Почему «ритуала»?

— Я просто так сказал.

Эрван в первую очередь подумал об испытаниях при посвящении: нужно будет выяснить.

— О'кей, — заключил он. — Дайте мне знать, когда будут новости.

— А с остальными мне как быть?

— Какими «остальными»?

— Офицерами из «Кэрверека», армейскими

экспертами: они звонят мне каждые два часа, чтобы узнать, как у меня дела.

— Это они попросили вас провести подробное вскрытие?

— Нет, но я должен представить им свой отчет. Такова процедура.

— Но пока вы будете его составлять, мы ведь и до завтрашнего утра доживем, верно?

— Крайний срок.

— Тогда завтра и поговорим.

Эрван дал отбой, взволнованный и возбужденный. Он еще не знал ни как использовать известную только ему сенсационную новость, ни что делать с несколькими часами опережения, которыми он располагал. Он позвонил Крипо. Осмотр комнаты был закончен: результатов ноль.

Эрван ввел напарника в курс дела относительно Виссы. Тот никак не отреагировал. Даже у лютнистов после двадцати пяти лет службы дубленая шкура.

— Что скажем служивым?

— Пока ничего. Спросим как ни в чем не бывало, что они выяснили.

— У тебя уже есть какие-нибудь

соображения?

— Или смерть Виссы — результат линчевания, или убийство никак не связано с посвящением: его пытали по другой причине, а общая обстановка именно этой субботы только запутала следы.

Не переставая говорить, он подошел к стене, украшенной фотографиями «рафаля», «миража», а также портретами курсантов, которые вылезали из своих «птичек». На этажерках выстроились кубки и кокарды.

— Если Аршамбо присутствовал на вскрытии, — заметил Крипо, — он в курсе, верно?

— Я о нем совсем забыл. Позвони ему и скажи, чтобы придержал язык.

— Это все?

Эрван взгляделся в лица дипломированных пилотов. Улыбка сбывшейся мечты о небе.

— Нет. Свяжись с Верни. Пусть пороется в архивах жандармерии и судебной полиции Бретани и выявит все случаи жестоких убийств с нанесением увечий.

— Он не поймет. Он все еще цепляется за версию с посвящением.

— А ты с ним уклончиво. Пусть прочешет кутузки и психушки запада Франции. Нельзя исключать, что какой-то психопат освободился и забрался в ланды.

— Вроде волка-оборотня?

— Не болтай ерунды. Клемант нам готовит отчет из тех, что нечасто приходится читать. А сейчас мы с тобой против КОШПАМов. Сделай для нас справку по Лисам-Крысам. Сначала новобранцы, потом старики. Я жду своих в той комнате, где допрашивал пилота.

— И как, это что-нибудь дало?

— Что может быть тупее марширующего вояки? Вояка летающий.

19

— Мы все собрались на плацу в семнадцать часов.

— Вы были одеты?

— Нет, в трусах.

— Кто стоял вокруг?

— Лисы. Я хочу сказать, старики.

— В форме?

— На них были черные комбинезоны.

— Вы их узнали?

— Нет. На них были белые маски.

— Опишите их.

— Маски без выражения, как в фильмах ужасов.

— В тот момент вас все еще называли по именам?

— Ни в коем случае.

— По номерам? По прозвищам?

— По оскорблениям.

— Какого рода?

Боец не стал колебаться:

— «Мешок с дерьмом», «гондон штопаный», «хрен моржовый», «супержопошник»... Там был один, который все время повторял: «Вы все пальцем деланные! Все недоноски... все пальцем деланные!»

— А у Лис были прозвища?

— Скорее звания. Был ГП, главный палач. А еще МП, мастер-понтярщик. Еще КА, kick in the ass, или поджопник...

Молодой боец невольно хихикнул. Несмотря на смерть товарища, эти

воспоминания казались ему уморительными. Крыса был одет безукоризненно: белая рубашка, черные погоны с выгравированным серебряным якорем, брюки с идеальной стрелкой. Кармашек на груди украшал бейдж с его именем и званием. Полное впечатление, что он попал сюда напрямиком из фильма «Лучший стрелок».

— Что произошло на плацу?

— Нам завязали глаза, и началось «чумазирование»: тухлые яйца, сыр, навозная жижа, моторное масло, экскременты... Потом нам пришлось ползать по асфальту.

— С завязанными глазами?

— Да, по-прежнему.

— Сколько времени?

— Не могу сказать.

— А потом?

— Заставили бежать к ангару.

Эрван развернул карту авиабазы, которую ему дал Верни. Вдоль каждой взлетной полосы располагались строения. Было указано количество аппаратов, которые в них находились, а также модель и номер.

— К которому из них?

— Представления не имею. На нас по-прежнему были повязки.

— Когда их с вас сняли?

— Уже внутри. Это было страх что такое. Они занавесили окна черным брезентом. Все освещалось факелами. На стенах были граффити. Ругательства, свастики. А еще висели скелеты, свиные и бараньи головы, наколотые на мотыги. Вонь была чудовищная.

Бесполезно задаваться вопросом, успели ли они все вычистить. Эрван был уверен, что да.

— Какие были приказы?

— Сначала мы ничего не поняли. Они все орали одновременно. Нам опять пришлось отжиматься, только теперь они садились на нас. Когда мы ползли, они отвешивали нам пинки и сыпали всякую дрянь на голову. Они называли это «круг пота».

По аналогии с кругами ада в «Божественной комедии». Эти Лисы выглядели до удивления образованными. Эрван продолжал делать пометки:

— Сколько времени это продолжалось?

— Представления не имею. Часов у нас не

было. Но нам казалось, до бесконечности.

— Никто не возмутился? Никто не отказался выполнять упражнения?

— Особого выбора у нас не было.

И точка.

— Под конец мы вернулись на улицу. Мы должны были ползти на коленях в яму со всякими потрохами, руки на затылке, как у арестантов. Потом мы выстроились в ряд для бенгальских огней.

— Что это было?

— Учебные гранаты, которые они взрывали у нас под ногами.

— Раненые были?

— Нет. Просто мы были все в пыли вдобавок к дерьму и остальному.

— Потом?

— Перешли ко второму действию: круг охоты...

Эрван отметил в уголке экрана: «Перечитать Данте».

— Каковы были правила?

— Один час, чтобы спрятаться в ландах. После этого они отправлялись на поиски с пейнтбольными пистолетами...

— В котором часу это было?

— Да не знаю я, говорил ведь. Уже ночь наступила. Мы все бросились бежать. — Он ухмыльнулся. — С одной стороны, нас это согрело.

— Ты пошел один?

— Нас разделили перед отправкой.

— Где ты спрятался?

— Я добежал до берега и нашел там бухточку. Заполз между двумя камнями, чтобы укрыться от ветра. Через некоторое время они меня отловили. У них были рожки, как у болельщиков, и колокольчики. Я бросился бежать, но там галечный пляж. Я подвернул щиколотку, упал, и они стали в меня стрелять. — Он отвернул уголок белоснежной рубашки: на шее и правой ключице виднелись синие и красные следы. — Эта паршивая краска не смывается.

Медик не упоминал ни о чем подобном на теле Виссы.

— У вас были какие-нибудь средства ночного ориентирования?

— Никаких.

— Как ты нашел берег?

— Ветер дул с моря, и были слышны волны.

— Когда вы разбежались в ландах, Висса был с вами?

— Вроде да, но нам было трудно узнать друг друга. Мы были сплошь в дерьме.

— А охотники? Когда они тебя поймали, на них по-прежнему были маски?

— Нет. Световые усилители.

— Где они взяли такое оборудование?

— В арсенале, конечно.

Если К76 обеспечила матчасть для этих дурацких игрищ и если будет доказано, что экипированные таким образом военные убили Виссу Савири, это превратит армию в косвенного сообщника. Еще одна хорошая новость для полковника Винка.

— Не считая краски, тебя били?

— Нет. Одного за другим они собрали всех Крыс: их бросали в пакгауз, как мешки с картошкой.

— А дальше?

— На рассвете они приготовили нам завтрак.

— Полагаю, речь не о кофе с круассанами.

Курсант снова хмыкнул. Очередная приливная волна непоколебимого идиотизма.

— Собачьи галеты и кошачий паштет. А еще острые перчики. А потом — ни воды, ничего. Горло просто горело...

— В котором часу стало официально известно об исчезновении Виссы?

— В какой-то момент возникла растерянность. Лисы приходили, уходили, опять приходили. Переговаривались шепотом. Что-то пошло не так. Одного человека не хватало.

— Раньше вы этого не заметили?

— Нет. Мы были вымотаны.

Продолжение Эрван знал. Поиски развернулись по всем ландам, дали знать руководству школы, потом жандармам. Тут и штабные с «Шарля де Голля» зашевелились: их эксперты обнаружили человека на острове Сирлинг. В разобранном виде.

Он снова повернулся к экрану и подвел итоги. Если его гипотеза линчевания верна, преступление произошло в ландах, где-то между двадцатью двумя и двумя часами ночи. Потом старики вышли в море и

переправили тело на Сирлинг. Даже если они успели вернуться к утренней поверке, другие Лисы должны были тем временем заметить их отсутствие: являлись ли они соучастниками?

Отдельный вопрос:

— Во время испытаний кому-нибудь из вас обрили голову?

— Нет.

Откат на общий план.

— А что вообще ты можешь сказать об этом посвящении?

— Ничего особенного: мы ж его не закончили.

— А тебе хотелось бы дойти до конца?

— Да. Этот уик-энд для нас всех — как крещение огнем.

— А про Виссу ты помнишь?

— Конечно. — Боец понизил голос. — Но это ж не имеет никакого отношения. Ему просто не повезло.

— А что ты можешь сказать о его смерти?

— Что он сбежал на остров и попал под снаряд.

— И тебе это кажется правдоподобным?

— Нет. История со снарядом — просто бред какой-то. А главное, Висса не был трусом. Можно сказать, он был самым крутым из нас.

— У тебя есть другое объяснение?

— Нет.

Точка. Новый абзац.

— После всего как тебе видится предстоящий год здесь?

— Нужно держаться. Мы всегда будем помнить о Виссе, но наш курс должен превозмочь этот тяжелый удар.

— Тебе кажется нормальным подвергнуться всем этим гадостям до того, как приступить к учебе?

— Это не гадости. И пошло нам на пользу.

— Особенно Виссе.

— Я не это хотел сказать...

— А что ты хотел сказать? — жестко спросил Эрван.

— Для бойца очень важно, чтоб его приняли как своего. Главный этап. Это...

— Ты знаешь, какие другие испытания намечались?

— Нет.

— Свободен.

Эрван заговорил как военный. Салажонок поднялся, взял куртку. Он удалился, стараясь браво печатать шаг, но уже без бывшего воодушевления.

20

Остальные ничего нового не добавили. Двое были тихонями, третий задирой, четвертый молчуном. Все пребывали в состоянии шока, как сомнамбулы, которых резко разбудили во время приступа. Внезапно вырванные из незаконченного обряда инициации, они больше не знали ни где они, ни кто они.

Предположение, что подозреваемым может быть один из них, не выдерживало никакой критики (Эрван на всякий случай поинтересовался у каждого, есть ли у него опыт управления судном). Что до палачей с их масками и оскорблениями, то ни один из них не выбивался из общей массы. Кроме того, кто повторял: «Вы все пальцем деланные!» По поводу Виссы все были

единодушны: смелый парень, который воспринимал посвящение как первое испытание из длинной череды. Предвкушение войны. Зато никто не мог сказать, в каком направлении он побежал во время круга охоты.

В 19:00 Эрван отослал последнего курсанта и вышел на галерею. Дождь все не утихал, но Бретань приготовила ему сюрприз: сквозь морось серебристый свет заливал двор, в то время как золотистая аура с очертанием многоцветным, как перламутр, пламенела над крышами.

— Неплохо, а?

Он обернулся: Кристо сворачивал себе сигаретку двумя пальцами. Маленькое чудо лютниста.

— А ты что добыл? — поинтересовался Эрван.

— Ничего особенного. Все ребята твердят одно и то же, кто с улыбкой на губах, кто со слезами на глазах, но, похоже, ни один не затаил зла ни на Лис, ни на армию. А еще, похоже, ни один не связывает все это дерьмо со смертью мальчишки.

Эрван был согласен: этим парням промыли мозги.

— Техники только что приехали, — предупредил Криво.

— Где они?

— Энтишник ждет тебя вместе с Верни. ТИС уже пашет в комнате Виссы.

— Начнем с компьютерщика, — бросил Эрван, уходя с галереи.

Они зашли в класс, где еще стояли пресловутые школьные стулья Mullca с металлическими перекладинами. Рядом с жандармом переминался невысокий паренек с жабьей физиономией. Хотя на нем был форменный свитер с нашивками на плечах, от него на сто километров несло контркультурой. Щуплый, сутулый, плохо выбритый, глаза налиты кровью и вылезают из орбит, как будто он выкурил лишний косячок.

— Меня зовут Бранелек. — Он повторил громче, засунув руки в карманы. — Бра-не-лек! По-бретонски это означает «тот, кто ходит на костылях».

Не слишком многообещающее начало.

— Не волнуйтесь, — ухмыльнулся он, заметив выражение лица Эрвана. — Ваша железяка мне на один зуб.

— Сколько нужно времени, чтобы все из нее вытрясти?

— Зависит от того, что у нее внутри. Через двадцать четыре часа будет понятно.

— Даю тебе двенадцать, начиная с данного момента.

Бранелек засмеялся:

— Мне придется работать здесь?

— Никто не выйдет с базы.

— А оборудование можно сюда доставить?

— Разберись с Верни. Никаких контактов с бойцами. Первый отчет жду сегодня ночью.

Парень по-военному, но вполне иронично отдал честь и устроился в углу комнаты с ноутбуком Виссы под мышкой.

— Идемте посмотрим, как там технари, — приказал Эрван Верни.

Второй этаж. Под потертым линолеумом потрескивают балки. Дождь хлещет по стеклам. Ощущение, что плывешь в открытом море.

В комнате Виссы парни в черных

бумажных пижамах, перчатках, капюшонах и масках вкалывали вовсю. Знакомое зрелище. Туда и шагу не ступишь, пусть даже там все давно затоптали.

Один из них поднялся и подошел к порогу.

— Тьерри Невё, — объявил он, опуская пылезащитную маску. — Я криминалист-аналитик и координатор группы.

— Как продвигаетесь? — спросил Эрван, представившись.

— Никак. Тут все остыло, как в морозильнике. Слишком много времени прошло. И слишком много народа. На мой взгляд, комната служила придатком офицерской столовой. Мы почти повсюду обнаружили частицы марихуаны. Косячки тут дымилась каждый вечер.

— Bravo, пилоты! — заметил Эрван, обращаясь к Верни.

Штангист состроил озабоченное лицо:

— Я... Мы допросим его соседа по комнате.

Невё продолжил — тон нейтральный, лицо непроницаемое:

— То же относится к органическим

фрагментам. Придется брать пробы ДНК у всех курсантов базы, не считая офицеров, солдат, технического персонала и прочих. Вы уверены, что оно вам надо?

— Мне нужны полные данные. Есть частная лаборатория на примете?

— Я знаю ребят в Кемпере, работают быстро и хорошо.

— Тогда вперед.

— Кто будет платить?

Вопрос вырвался у Верни. Кажется, отчет о расходах был его пунктиком. Эрван правильно сделал, что привез с собой Крипо, лучшего казначея Угро.

— Проблем не будет.

— Тогда уже вечером прогоним пальчики по автоматизированной базе, — добавил Невё. — А ДНК завтра утром по базе генетических отпечатков.

Полицейский чувствовал себя куда легче с этими следователями, — конечно, тоже жандармы, но такие же охотники за убийцами, как он сам.

— А что именно мы ищем?

— Узнаем, когда найдем.

Невё неопределенно махнул рукой — «Вам виднее» — и снова натянул свой намордник.

— Первые результаты в полночь. Если я вам скажу: «Время поджигает», то только потому, что у меня бедный словарный запас.

Они оставили координатора и вернулись в свой класс-комиссариат. Криво уже установил компьютеры, разложил документы, прикрепил на стены карты. Портрет Виссы занимал самое видное место, чтобы каждый помнил: их головоломка изначально была молодым человеком с персиковой кожей и стальной волей.

Быстрый отчет Верни: жандарм ничего не нашел ни среди старых дел, ни среди недавно освобожденных в этом регионе.

— А психиатрические заведения?

— Есть одно спецзаведение в сорока километрах отсюда...

Спецзаведение: на пятьдесят процентов больница, на пятьдесят — тюрьма, на все сто — способ устрашения. В глубине мозга Эрвана вновь замигала гипотеза: убийца в ландах, не имеющий ни малейшего отношения к школе.

— Я с ними связался: ничего, что могло бы нас заинтересовать, — добавил Верни.

— Как называется заведение?

— Институт Шарко.

— Продолжайте копать в этом направлении.

Офицер неожиданно повел плечами, словно собственный свитер раздражал ему кожу:

— В каком направлении? Может, я что-то пропустил, но, по последним сведениям, мы ведем расследование по делу курсанта, спрятавшегося на...

— Я говорил с патологоанатомом. Висса был уже мертв, когда взорвался снаряд.

— Мертв?! Но как?

— Скорее всего, его пытали и изувечили.

Верни оттянул пальцем ворот свитера. Недоверчиво перевел глаза с одного копа на другого, ища объяснений.

— Придержим пока что эту информацию, — просто сказал Эрван.

— Пытали и изувечили...

— На причале ничего нового?

— А? Нет. Мы опросили людей по соседству и прочесали всю набережную. На

побережье постучались в каждую дверь. А еще связались с управлением порта: они ничего не знают.

Он говорил глухим голосом, с ошеломленным видом.

— Ле Ган?

— Он копается в прошлом и окружении Виссы, — ответил жандарм. — Скоро будем знать больше.

— Аршамбо?

— В дороге, возвращается. Пытали и изувечили... нужно предупредить штаб.

— Нет. Отчет о вскрытии еще не составлен. У нас в запасе ночь.

— Но... для чего?

— Для того, чтобы избежать помех: я не хочу, чтобы кто-то болтался у меня под ногами, особенно высокопоставленные чины со своими советами и пустозвонством. Продолжайте искать все, что может быть связано с жестокостью такого масштаба в этом регионе. И найдите мне следы судна, которое было на Сирлинге!

Верни беспрекословно повиновался. На пороге он остановился, обернулся и, конечно

же для самоуспокоения, по-военному отдал честь.

Эрван не ответил. Эта зашоренность начинала на него давить. Слишком маленькая база, слишком затянутые мундиры, слишком зацикленные мозги... А главное, с самого утра он не видел ни одной женщины. Даже в Угро, который отнюдь не был дамской парикмахерской, всегда мелькали аккуратные попки, на которые можно облизнуться.

Он глянул на часы и сделал знак Крипо:
— Вернемся к опросу.

21

Лисы тоже ничего нового не добавили. Они даже не были теми неприятными фашиствующими молодчиками, какими Эрван их вообразил. Такие же двинутые, как и первогодки, они цеплялись за ценности своей школы и армии в целом. Они держались сплоченно не из солидарности или чувства вины, а чтобы сохранить собственную идентичность.

Обнаружить среди них одного или нескольких палачей, способных запытать до смерти молодого парня, представлялось невозможным. Точно так же Эрван отправил в мусорную корзину те побудительные причины, которые, можно сказать, являются классическими для оперативника: кража, преступление на почве расизма, любовное соперничество, патологический сексуальный порыв... Еще не найдя объяснения, он нутром чуял: это убийство напрямую связано с мучением в чистом виде — и с самим духом дома, то есть школы.

Единственной информацией, которую ему удалось вытащить, была последовательность запланированных действий — если бы смерть Виссы все не оборвала. По уровню садизма и бессмысленной жестокости планка оставалась высокой. После круга охоты (цветные отметины от пейнтбольных пуль служили залогом трудностей, уготованных их носителю во время учебного года) утро предполагалось посвятить кругу моря. Километровый заплыв, который Крысы должны были совершить, увешанные

камнями и ожерельями из водорослей и медуз. Эрван хорошо представлял себе, как курсанты, измотанные, с зудящей кожей, пытаются преодолеть дистанцию с камнями на спине и жалящими медузами.

День должен был закончиться загадочным испытанием, неким «беспределом», также называемым «круг крови». Многообещающе. Но на эту тему Лисы особо не распространялись. Одни утверждали, что этот этап был сугубо добровольным. Другие — что сам курсант решал, до чего он готов пойти. В одном все Лисы сходились: круг крови был задуман и подготовлен самим ГП (главным палачом), неким Бруно Горсом, лидером Лис этого выпуска. По их словам, он был самым энергичным (читай: самым отвязным) и самым авторитетным (читай: самым жестоким). Эрван понял, что речь идет о том психе, который орал: «Все вы тут пальцем деланные!» Волею случая он был последним в списке допрашиваемых.

Полицейский должен с настороженностью относиться к скоропалительным суждениям, но на глаз Горс полностью соответствовал

своему амплуа. Та же выправка, что у остальных, та же стрижка ежиком, то же лицо, лишенное выражения, но под бровями, сросшимися, как два звена якорной цепи, мерцал дополнительный огонек. Он приблизился к столу, одетый в форменную куртку камуфляжной расцветки с оранжевым шейным платком, заправленным под ворот. Поднес руку к виску, прищелкнув каблуками и вытянувшись в струнку.

— Лейтенант Бруно Горс, КОШПАМ третьего курса школы морской авиации «Кэрверек-76», глава школьного совета и Ассоциации офицеров-контрактников...

— Садись.

Горс скривился от обращения на «ты». После двух часов стрижек ежиком и расписывания прелестей «прописки» Эрван созрел для допроса по-жесткому. Главный Лис представлялся идеальным кандидатом. Тот устроился на стуле, сидя так прямо, будто продолжал стоять. Он казался затянутым в корсет уверенности.

— Так это ты тот самый ГП?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать: главный палач. Я хочу сказать: говнюк продвинутый.

Выбитый из колеи, Горс выдавил:

— Это я.

— Расскажи о «беспределе».

Тот бросил на Эрвана косой взгляд. Он, конечно же, ожидал более формального разговора, касающегося Виссы Савири и «несчастливого случая».

— А нечего рассказывать.

— Почему?

— Потому что в этом году «беспредела» не было.

— Можешь рассказать, что было намечено.

— Нет никаких установленных правил, — пояснил тот напряженным голосом. — Ему предлагают — Крыса располагает. Это он поднимает планку, насколько хочет.

— Планку мучений?

Молчание.

— Где этот «беспредел» должен был происходить?

— На «Нарвале».

— Это что?

— Заброшенный крейсер, на краю ланд.

— Вы устроили там специальные декорации?

— Не понадобилось. Место и так... идеальное.

Эрван представил себе проржавевший корпус со свисающими цепями и крюками. Он так и видел хлысты, тиски, доски с гвоздями... Он усилием воли отогнал это видение из фильма ужасов, чтобы вернуться к реальности.

— Когда необходимо принять решение по «беспределу»?

— После круга моря.

— Обычно курсанты его проходят?

На губах Горса заиграла улыбка.

— Большинство — да.

— А ты сам прошел?

— Конечно.

— Планка была высоко?

— Очень высоко.

— Думаешь, Висса стал бы кандидатом?

— Откуда мне знать?

— Когда салажонок соглашается на «беспредел», он получает какой-нибудь знак отличия?

— Нет.

— Ему не обривают голову?

— Нет. А зачем?

Отступление на шаг.

— Насколько я понял, посвящение в К76 является одним из самых жестких во Франции.

— Так точно.

— Как ты это объясняешь?

Горс сделал глубокий вдох. Его слова, как и мысли, исходили из груди — именно того места, куда ему однажды навесят медаль.

— Мы военная школа. Наше предназначение — пилотировать истребители, использовать оружие массового поражения. Наше ремесло — убивать, разрушать, побеждать. Но также и оказаться в плену, подвергнуться пыткам, проиграть. Когда кого-то из нас возьмут в заложники шииты или в плен талибы, будет позднозато звать маму. Если КОШПАМы сегодня не могут выдержать пару испытаний, пусть лучше вернутся по домам.

Машина набирала ход.

— Посвящение здесь не имеет ничего

общего с «уик-эндом интеграции» в гражданских школах. Эти два дня служат тестом. И инициацией. По прибытии большинство пилотов — просто важничающие ботаны. До этого они только и знали что свою математику, дипломы и гражданскую авиацию. Вот мы и заставляем их приземлиться. Они должны умереть, чтобы воскреснуть: только тогда они будут готовы стать настоящими истребителями!

Горс был поэтом. В его устах извращенная преданность школе приобретала мистический, почти шаманский размах.

— И кто ваш вдохновитель? — по наитию спросил полицейский.

Курсант покачал головой с таким видом, будто хотел сказать: «Наконец-то речь пошла о серьезных вещах».

— Здесь только один хозяин: адмирал Ди Греко.

Второй раз при Эрване заходила речь об этом офицере. Истина оказалась прямо обратной тому, что ему попытались подсунуть как очевидность. Полковник Винк был простым служакой, который занимался

матчастью. Настоящим шефом был невидимый адмирал, истинный создатель, носящийся где-то вдаль на «Шарле де Голле» по морским просторам.

— Значит, это Ди Греко покрывает все ваши мерзости?

— Аккуратней в выражениях.

— И он не возражал против пыток и издевательств над новичками?

— Вы ничего не поняли.

— Это ты ничего не понял. У тебя встает на твои фантазии о стойком солдате, но на этот раз погиб человек.

— Я помню, но смерть Виссы никак не связана с теми выходными.

— Что ты об этом знаешь?

— Висса сбежал. Огонь его накрыл. Таков закон войны. Он не был достоин стать пилотом.

Про официальную версию давно уже можно было забыть, да и Горс казался достаточно хитрым, чтобы самому в нее не верить. Особенно если он замешан в убийстве мальчишки.

— Судя по свидетельским показаниям, на

Виссу это не похоже.

— Какие еще свидетельские показания? Пока не побывал на фронте, никто не может судить о мужестве коллеги.

На этот раз Эрван был согласен. Он испытал соблазн сообщить парню сенсационную новость — пусть только ради того, чтобы глянуть на его физиономию. Но предпочел вернуться к обстоятельствам исчезновения Виссы:

— Расскажи мне о круге охоты. Было пять групп охотников. Которой руководил ты?

— Номером два.

— Ничего необычного на протяжении ночи?

— Ничего. Крысы всегда прячутся в одних и тех же местах.

— Ни одна группа не исчезала на несколько часов кряду?

— С чего такие вопросы?

— Отвечай.

— Ни одна. Каждая команда привела за ночь одного или двух Крыс, через равные промежутки.

Без перехода полицейский атаковал с

фланга:

— У тебя есть мореходный опыт?

Горс вскочил. Эрван отодвинулся вместе со стулом.

— Вы подозреваете, что это я перевез Виссу?

— Сядь и отвечай на мой вопрос, — бросил Эрван, вновь обретя привычное хладнокровие.

— У меня есть права на вождение любых судов. Я родился в Вандее и с шестилетнего возраста умею управлять судном. Я был шкипером на самых знаменитых парусниках и выиграл кучу регат. Это вас устраивает?

Полицейский сделал пометку в своем ноутбуке. И позволил молчанию затянуться.

— Что у вас на уме? — не выдержал Лис.

— В ту ночь ты со своими парнями мог захватить Виссу и устроить маленький предварительный «беспредел».

— Чушь!

— Вы могли слегка увлечься пытками, пока он не умер.

— Чушь! Висса умер в тобруке.

— Вы могли погрузить труп на лодку и

отвезти его на остров, пока остальные вас покрывали.

Горс снова вскочил и заорал:

— чушь!

Эрван вновь рефлекторно отпрянул. Лис источал безграничную и нездоровую жестокость. Полицейский постарался, чтобы голос его звучал ровно, и пошел в любовую атаку:

— Как стало известно, Висса был уже мертв, когда в него попал снаряд. Известно, что его пытали и изувечили. Ему обрили голову — безусловно, чтобы еще больше унижить. Его голгофа длилась добрую часть ночи. Он, безусловно, умер от мучений.

Лейтенант больше не шевелился, по-прежнему нависая над Эрваном. На лбу у него проступили капельки пота. Под кожей ходили желваки. Полицейский ощущал его обжигающее дыхание с легким мятным запахом. Если этот тип разыгрывал удивление, то очень убедительно.

— Ничего не хочешь сказать? — продолжил он, рискуя нарваться.

— Да пошел ты!

Горс вышел, изо всей силы хлопнув дверью. Эрван уставился на перегородку, которая вибрировала на своих штырях. Он осознал, что в комнате раздается привычный звук: скрип его зубов. Один из его нервных тиков: ему даже приходилось надевать на ночь специальное зубное приспособление.

Заметив в углу раковину, он встал и сунул голову под холодную воду. Закрыв кран, он услышал, как снова хлещет ливень. Сквозь подрагивающие стекла проступала уходящая ночь.

Он схватил мобильник и набрал номер Верни:

— Вы можете организовать мне посещение «Шарля де Голля»?

— Вы хотите встретиться с ответственными за ведение огня?

— Плевать мне на огонь. Я хочу допросить адмирала Ди Греко.

22

Красные бархатные кресла и золотисто-

коричневый потолок. Стоя прямо под огромной люстрой, из которой лился слишком белый свет, Грегуар Морван терпеливо ждал в одной из гостиных Министерства иностранных дел. Его к восемнадцати часам срочно вызвал Эрик Деплезен, госсекретарь правительства Олланда.

Сначала он испугался, что вызов связан с самоубийством журналиста Жан-Филиппа Маро, но Деплезена это никаким боком не касалось: набережная Орсэ далека от внутренних дел. И ни малейших оснований связать его, Грегуара Морвана, с этим исчезновением — если только убрано было на совесть. Скорее всего, Деплезен захотел проконсультироваться с ним по какой-нибудь африканской проблеме, в чем Морван считался специалистом.

В любом случае дело затягивалось.

Он тут маринуется уже полчаса. Можно было б наорать на секретаря, но он не желал доставлять такого удовольствия Деплезену. Морван помнил его еще мальчишкой, когда тот был ламбертистом⁴⁷ и бил морды крайне

правым, орудуя железным прутом. Он видел, как мальчик обуржуазился и стал одним из заправил в MNEF⁴⁸. Когда разразился скандал⁴⁹ — социалисты жили, как набобы, за счет студентов, — он замял дело и спас задницы мошенников из этой банды.

Заставляя его ждать, Деплезен давал понять, что нынче всем заправляет он. Не важно: Морван не спешил увидеть эту мерзкую рожу с напوماженными волосами — в команде его прозвали Лакированным Козлом, по ассоциации с уткой по-пекински, иначе называемой лакированной.

Решив терпеливо нести свой крест, Морван полистал записную книжку. Заметки для книги, нечто вроде инвентарного списка самых абсурдных или несправедливых смертей в истории. «Обширная программа», сказал бы де Голль. Едва у него выдавалось пять свободных минут, Морван вписывал новый пример, который приходил ему в голову, или же просматривал уже исписанные страницы — так он проникался тщетой судеб.

Во время похорон Гийома Аполлинера, в

ноябре 1918-го, люди кричали, когда мимо провозили гроб: «Смерть Гийому!» На самом деле они имели в виду Вильгельма II, германского императора, который в тот самый день подписал отречение. 1958 год: Рубен Ум Ниобе, революционный камерунский лидер, был убит и изуродован французскими солдатами после долгого преследования в джунглях. Все, что нашли рядом с телом, был маленький ранец, в котором находился только блокнот, куда он записывал свои сны... Морван любил также историю Сида Вишеса, басиста из «Sex Pistols», подозреваемого в убийстве своей невесты, а потом умершего от передоза в Нью-Йорке. Легенда гласит, что его мать, приехавшая забрать прах сына в Хитроу, была под таким кайфом, что выронила урну в баре аэропорта. Останки панка исчезли под тряпками уборщиц и в растворе хлорки. *Such a life, such a death...* ⁵⁰ Другие примеры: пуля, убившая Ганди, была найдена в его пепле после кремации; история Ринальдо ди Капуа, оперного композитора восемнадцатого века, который всю жизнь бережно хранил свои

партитуры, а сын после его смерти продал эти партитуры как макулатуру; мозг Эйнштейна, украденный проводившим вскрытие, или же история с Уолтом Уитменом, чей мозг выскользнул из рук ассистента в морге, разлетелся на куски и был отправлен в мусорное ведро.

Морван закрыл записную книжку и принялся разглядывать потолок: много золота, лепной орнамент, академическая живопись. После двух веков демократии и права на забастовки ничто не изменилось: напыщенная помпезность королевской роскоши. Как Дядюшка. Тот всячески поносил пышность президентства, а как только его избрали, он уже и в самолет сесть не мог без двух рядов почетного караула республиканской гвардии.

Вспомнив о Миттеране (интересно, с чего французы прозвали его Дядюшкой), он заодно подумал и о Маро, пожелавшем раскопать его прошлое. Что он нарыл на самом деле? Имело смысл за это умирать? В очередной раз Морван попытался вообразить иное развитие собственной биографии.

Вторую часть, которая могла бы последовать за беспутной молодостью и африканскими подвигами.

Вернувшись во Францию, Морван стал знаменитым полицейским и эффективным тайным агентом. Два рода деятельности вовсе не были несовместимы. Скорее наоборот. Довольно часто он оказывался в первых рядах, чтобы уничтожить собственные следы.

При Жискаре он оказал немало услуг. Убрал архитектора из департамента Вар, который имел неосторожность переспать с супругой одного африканского президента. Замял — или, по крайней мере, свел к минимуму — скандал с бриллиантами Бокассы. Это дело стоило Жискару второго семилетнего президентского мандата, но главного удалось избежать: предания гласности настоящих масштабов незаконной торговли между Францией и Центральной Африкой.

Когда к власти пришел Миттеран, Морван удостоверился, что никто не копает в направлении набережной Бранли, где проживает внебрачная дочь президента. В

восемьдесят пятом он отправился «убеждать» Шарля Эрню, тогдашнего министра обороны, взять на себя ответственность за фиаско с «Rainbow Warrior»⁵¹. В девяносто четвертом он бросился к Гроссувру после его самоубийства, чтобы помочь любовнице промышленного советника президента быстренько собрать вещи. Он также организовал все прослушки в Елисейском дворце — а видит бог, при Дядюшке кассеты так и крутились... К концу второго семилетнего мандата пришлось арендовать два гигантских мусоросжигателя, чтобы, прежде чем передать ключи Шираку, уничтожить все документы, досье и прочую осведомительскую канитель. Морван смотрел на дым, поднимающийся к небу, и думал о дыме над Ватиканом, означающем избрание нового папы. Сходный принцип, но несколько в ином духе...

При Шираке он продолжил свое дело. Именно его усилиями «затерялась» кассета неофициального казначея президента Мэри, и именно он умудрился устроить так, что пресса была озадачена единственным

вопросом: куда подевалась кассета? Кто ее потерял? Между делом были забыты те разоблачения, которые она содержала, относительно финансирования Республиканской партии. Шираку, который поздравил его с успешным запутыванием следов, Морван продекламировал, пародируя монолог из Мольера: «Моя кассета! Кто украл мою кассету?»⁵² Президент вымученно засмеялся.

Были и другие дела — и куда более кровавые. Он больше не вел счета пожарам, которые потушил, и сточным трубам, которые прочистил. Самыми блистательными его победами были те, о которых никто никогда не слышал.

Морван всегда оставался неподкупным. Он не голосовал, ни разу не принял ни одного официального мандата и ни одного сантима от правительства за выполнение политических функций. Как и тот, кто служил ему примером для подражания, — один из создателей современных спецслужб, Жак Фоккар, — он сохранил независимость, получая только обычную зарплату по-

лицейского и доходы от своих африканских дел.

Но в одном он потерпел поражение: несмотря на стремление оставаться холодным и безразличным, сохранять безупречный нейтралитет, жил он в гневе и ярости. Это началось в шестьдесят восьмом, и с тех пор он спокойней не стал. Его внутренним двигателем не был ни патриотизм, ни обособленность, только ярость.

Он ненавидел высокопоставленных функционеров, выпускников Национальной школы администрации, белых воротничков. Всех, кто забыл, что история, прежде чем стать главами в учебниках, была всплесками гнева, уличными стычками, махинациями низкого пошиба.

Он не выносил все эти группировки, кланы и корпорации. Всех тех, кому необходимо оказаться среди многих, чтобы ощутить себя кем-то. Политические партии, масонов, расистов, антирасистов, экологов, профсоюзных деятелей, лоббистов, судей, шпииков, военных — а еще евреев, католиков, мусульман и педерастов... Всех этих убогих,

всех до единого. Такое же отвращение он питал к наследникам, которым не пришлось ничего никому доказывать, чтобы стать тем, чем они были, а еще более сильное — к парвеню, которые добились всего слишком быстро и слишком успешно. Это же относилось и к тем, кто вообще никуда не лез и плыл по течению: к угодникам всех мастей, уклонистам, любителям вылизывать задницы.

Но более всего он ненавидел журналистов. Вот они были хуже всех, потому что вообще ни в чем не участвовали. Они цеплялись к ошибкам политиков, но сами никогда решений не принимали. Они тыкали пальцем в коррупционеров, но продали бы мать родную за лишний выписанный чек. Они обличали тех, кто предавал свою партию, но сами меняли мнение каждое утро ради передовицы в своей газетенке. Журналиги не должны были приближаться к Морвану, и знали это. Бывали попытки раскопать про него что-то или макнуть его в грязь. Самые влиятельные — советники по связям — пытались даже заполучить его голову. Привет от мальчиков из церковного хора. В том, что

касалось лоббирования, рычагов влияния и линчевания, он был мастером.

А главное — его боялись *физически*. У него были не длинные руки, а тяжелый кулак. Одно дело нарваться на налоговый контроль, другое — лишиться глаза или ноги.

На сегодняшний день уже не было нужды ни нападать на него, ни угрожать. Само время отбросило его, как старую бесполезную пишущую машинку. Он устарел — вместе со своим гневом и дикими выходками. Он был сыном эпохи более жесткой, более крутой, той, когда де Голль уворачивался от покушений, а Помпиду носил в кармане список тех, кто пытался уверить, будто его жена участвует в групповухах. Времени сжатых зубов, быстродействующих методов, жестоких столкновений. Отныне президенты кушали творог и собирали кабинет, прежде чем вымолвить самое простое слово.

— Господин Морван?

Секретарь стоял перед ним, при фраке и крахмальном воротничке.

— Господин Государственный секретарь готов вас принять.

Морван с трудом выбрался из парчового кресла. Шарманка снова завертелась.

23

Эрик Деплезен был одновременно худым и жирным.

Довольно любопытное зрелище.

Несмотря на высокий рост и стройную фигуру, казалось, будто его с головы до ног обволакивает тонкий слой желе, как мясные изделия в колбасной лавке. Правильные черты всегда загорелого лица, высокий лоб и зачесанные, сильно напomaженные волосы — и тут жир. Физиономия, по которой так и тянет врезать.

— Грегуар! — воззвал он, распахивая руки.
— Мой брат, мой ментор!

Старый коп принял лесть, слегка кивнув, но от объятий уклонился.

— Садись. Будь как дома.

— Не накаркай. Чего ты хочешь?

Деплезен сразу отвечать не стал. Он так и остался стоять с улыбкой, нацепленной на

лицо, как старое тряпье на вешалку. Морван устроился и глянул на него краешком глаза. Поздравил себя с тем, что никогда не носил клетчатых костюмов: в двойке от Хьюго Босса хозяин кабинета напоминал гигантское оригами.

Наконец госсекретарь тоже сел. Он уперся локтями в стол и сложил пальцы домиком — наверняка отрабатывал этот жест перед зеркалом для придания себе большей импозантности.

— Я хотел поговорить с тобой о «Колтано».

— А что с «Колтано»?

— Мои агенты доложили, что там, на месте, убили его директора.

Морван иронично присвистнул:

— У тебя теперь свои агенты?

— Не мели чепухи. Так он убит или нет?

— Негритянские штучки. Точной информации у меня нет.

— Ты был на его похоронах.

— Просто потому, что в «Колтано» я как дома.

— Мне говорили о каннибализме.

— Говорю ж, негритянские штучки. У

Нсеко было много врагов: разобраться невозможно, да и совершенно незачем.

— Никакой связи с рудниками?

— Рудники у меня под контролем. Нсеко заменят, и точка.

— Кем?

— Скорее всего, генералом Мумбанзой.

Деплезен открыл сундучок из ценного дерева и выудил оттуда сигару. Манеры выскочки, которые он усвоил еще во времена своего правления в Национальном обществе взаимопомощи студентов.

— Ты его знаешь?

— И очень хорошо.

— Ему можно доверять? — спросил госсекретарь, берясь за гильотинку для сигар с двойным лезвием.

— Как всем: пока им платят...

Выпускник Национальной школы администрации резко хлопнул по подлокотнику:

— То есть ситуация останется стабильной?

— Никто не может предсказать будущее в Конго.

— Президент не желает никаких проблем с

той стороны, нам и так дерьма хватает.

— Не может быть, — улыбнулся Морван.

Деплезен достал длинную спичку, чиркнул ею и прикурил сигару, выпустив огромный клуб дыма.

— Как тебе известно, — продолжил он через несколько секунд, — Французское государство инвестировало в «Колтано»...

— Деплезен, ты говоришь о моем предприятии: это я вывел его на биржу. Это я продал вам акции!

— Никто не желает влипнуть даже в самую невинную аферу: с Франсафрикой покончено!

— Что ж, выходите из игры и сматывайтесь.

Холдинг «Колтано» занимался разработкой месторождения колтана, редкого минерала, используемого в производстве мобильных телефонов и другой электроники. Участие Франции в этом бизнесе не было ни политическим выбором, ни экономической стратегией и объяснялось чисто физической и географической необходимостью.

— Ты можешь мне гарантировать, что твой Мумбанза не съедет с катушек и не споется с

тутси? — продолжал настаивать Деплезен, пыхтя, как машина для производства дыма. — Нас никаким боком не должны заподозрить в том, что мы финансируем войну на Киву.

Хоть его и определили во внешние связи, Лакированный ни черта в них не смыслил. Восток Демократической Республики Конго представлял собой чистую неразбериху: там шла бесконечная война между регулярной армией, тутси, хуту и мятежной милицией... Большая часть группировок финансировалась благодаря местным ископаемым, но рудники «Колтано», расположенные между Колвези и озером Упемба, находились не на той территории.

— Посмотри на карту. От Киву до Катанги добрая тысяча километров. Говорю ж тебе, ситуация под контролем.

— Отлично, отлично... — пробормотал тот, продолжая пыхтеть.

Морван наблюдал за его гримасами. Он на дух не выносил Деплезена в частности и ламбертистов в целом — троцкистское движение, которое избегало любовых

столкновений, проникая в другие партии и стараясь воздействовать на их доктрины. Это называлось «засылка». Морван мог подобрать и другие названия, но все они неизбежно сводились к содомии.

— Может, скажешь наконец, зачем я на самом деле здесь?

— Могу повторить: наше правительство придерживается твердых этических принципов; и речи быть не может, чтобы покрывать твои махинации.

— Какие махинации?

— Если станет известно, что ты как-то связан с вооруженными группировками или с коррумпированным сбродом, мы не сможем тебя покрыть.

— Это я вас покрываю, Козел.

Деплезен наставил на него свою сигару:

— Твоя проблема, Грегуар, в том, что ты полагаешь, будто ты над законом.

Морван внезапно поднялся и обошел стол. Госсекретарь отпрянул вместе со своим креслом на колесиках.

— Я тебе освежу память, скотина ты этакая. Кто помог вам избежать каталажки,

когда в шестьдесят восьмом вы рвались в бой на улице Асас? Кто преподнес вам на блюдечке Общество взаимопомощи студентов вместе с ключами от сейфа и позволил вам разжиреть, как рождественским гусям? Кто подтирал вам задницу в девяносто пятом, тебе, Камбаделису, Стросс-Кану и прочим, когда ваши делишки вскрылись?

Госсекретарь, дрожа, забился поглубже в кресло. Сигара выпала, прокатилась по костюму и приземлилась на паркет рядом со шторой.

— Черт... Загорится же...

Морван раздавил подошвой «Монтекристо» и взялся за подлокотники кресла:

— Если ты сегодня здесь сидишь, то благодаря мне, троцкист сраный!

— Успокойся, черт возьми, — выдавил Деплезен, поправляя галстук. — Я... я просто хотел предупредить тебя, и все.

Грегуар тяжелыми шагами принялся мерить комнату. Он пыхтел, как бык, в своей рубашке от Шарве; он и так уже потерял достаточно времени.

— Предупредить о чем, на самом-то деле?

Ты меня позвал не для того, чтобы удостовериться, что один черномазый заменит другого черномазого, и не ради того, чтобы лепетать мне тут об этике и морали. Рожай!

Деплезен встал, чтобы приоткрыть окно. Запах сигары вдруг стал его раздражать.

— Тебе должно быть известно: как государственный фонд, мы имеем доступ к конфиденциальной биржевой информации...- Можно точнее отслеживать движение акций...

— Ближе к делу.

— Были замечены странные движения в «Колтано».

Морван был сбит с толку: если бы на рынке наблюдались хоть малейшие сдвиги, Лоик бы предупредил.

— Это нормально: смерть Нсеко спровоцировала некоторые скачки, — наудачу бросил он.

— Движения, о которых я говорю, отличаются от простых колебаний. Они кажутся согласованными.

— То есть?

— У нас пока нет сведений ни об именах, ни о количествах, но, похоже, крупные пакеты акций сменили владельцев.

— Ты хочешь сказать... как для поглощения?

— Да, этого мы и боимся.

Морван ухватился за кресло и рухнул в него.

— Но это абсурдно, — выдохнул он.

Он терял хватку. Терял то, что всегда было его силой: бдительность.

— Не так уж абсурдно. Курс растет. Позиции меняются. Ты не хуже моего знаешь, что ваша ахиллесова пята — коллективное владение контрольным пакетом и распыление акционерного капитала. Возможно, другая группа захотела стать лидером в добыче колтана. Или другая страна. Угроза может исходить и изнутри: а вдруг твои «черномазые», как ты выражаешься, решили отыгаться.

Морван сглотнул. Деплезен, возможно, прав. Что-то готовилось, причем с той стороны, откуда он никогда и не ждал: на бирже.

— Вот что я хотел тебе сказать, — произнес госсекретарь окрепшим голосом. — Если «Колтано» перейдет в другие руки, мы свои умоем. И связываться не будем ни с китайцами, ни с убийцами-каннибалами.

— А откуда вы возьмете колтан?

— Из Австралии, из Венесуэлы.

— Это дороже.

— Зато здоровее будем. Хочешь срать экологически чистым продуктом — плати.

Морван тяжело поднялся:

— Я все выясню.

— Именно. Держи меня в курсе.

Морван вышел пятясь. Едва дверь за ним закрылась, его прошиб холодный пот. Говядиной в желе теперь оказался он сам.

Если случалось что-то действительно серьезное, Париж всегда прикрывал ему тылы. Единственная опора, на которую он действительно мог полагаться. Его позиция в «Колтано» всегда была миноритарной: у него было не больше шестнадцати процентов акций. В любой момент генералы, в этой структуре представлявшие Конголезское государство, могли объединиться с кем-то и

выставить его вон: его, который олицетворял иную эпоху — эпоху Мобуту и его диктатуры.

В худшем случае он перепродает все и удалится на покой. Не это его тревожило. Он задавался вопросом, не заговорил ли Нсеко перед смертью? Информация о новых месторождениях могла объяснить покупку акций. В другом случае сам рост акций рискует выдать секрет. Кто-нибудь заинтересуется, чем так привлекателен «Колтано». И тогда Морван может распрощаться со своими тайными планами.

Он схватился за мобильник и набрал номер Лоика. Ему необходимо было сорвать на ком-нибудь зло.

24

На борту вертолета «Дофин SA 365N» (который все, бог знает почему, называли «Педро»), сидя рядом с Ле Ганом, Эрван перебирал в голове всевозможные клише, мифы и дантовские видения. Он представлял,

как из ночи возникнет «Шарль де Голль», плавающий город в свете огней — нечто вроде футуристической резиденции арабского эмира, сияющей в темноте.

А пока что он подводил итоги расследования. Много времени это не заняло. С причалом ничего не прояснилось. Ни свидетелей, ни исчезнувшего судна. Жандармы, которые свое дело знали, проверили уровень заправки школьных «Зодиаков» и сравнили с тем, который был вписан в журнал регистрации: все совпадало. Ни один десантный корабль не выходил в море в ночь с пятницы на субботу.

Одежда и личные вещи Виссы были немы. Его друзья и преподаватели в Ле-Мане тоже ничего нового не добавили. Копт был верующим, воздержанным и одиноким. Никаких пороков, никаких подводных камней. Он вложил все свои силы во вступительный конкурс в воздушно-морскую школу — и преуспел. Точка. Единственный факт на заметку: никакого мореходного опыта. Он никогда не доплыл бы ночью до Сирлинга. По мнению специалистов, для

этого необходимо уметь следовать по фарватеру, читать морские карты, знать расположение рифов в этой зоне.

Все возвращало к той же версии: дикое линчевание, паника у палачей, погрузка трупа на борт... Только какого судна?

Отпечатки пальцев в его комнате были идентифицированы — только первогодки. Приятели подтвердили: он был королем наркоты в «Кэрвереке». Что до органических следов, результаты еще не пришли, но Эрван ни на что уже не надеялся.

Данные с мобильного еще анализировались — звонки всех курсантов школы с утра пятницы до вечера воскресенья, а также перечень всех контактов, прошедших через зональную антенну. Материала было не так много: бретонцы не склонны болтать по телефону, а в «Кэрвереке» просто отобрали все мобильники на период посвящения.

На каждого курсанта было составлено досье — все пилоты имели схожие характеристики, а драконовским критериям отбора в К76 можно было доверять. Эрван конфиденциально попросил Кристо

покопаться в прошлом Бруно Горса; ничего примечательного.

Эрван хотел бы восстановить все перемещения каждого курсанта в последние дни, но без видеокамер единственными свидетелями оставались сами подозреваемые. Воздушно-морская база все больше походила на черную дыру, засасывающую весь свет и всю информацию.

— Приближаемся! — прокричал Ле Ган, тыча пальцем в стекло.

Эрван напряг зрение. Увидел он только ночь и светящиеся чешуйки. На уровне воды тысячи серебряных зубов смеялись, насколько глаз хватало. Он наклонился вперед: на море вырисовывалось огромное черное пятно. Неуклюжий в своем спасательном жилете, он наконец догадался, что за невероятная масса распласталась под ним: «Шарль де Голль».

Ни света, ни сигнала. Слепое судно. Корабль-призрак размером с нефтяной танкер. Контуры монстра выделялись только потому, что были темнее моря и неба.

Сооружение не вписывалось ни в какие

человеческие мерки. Шестидесятиэтажная башня, положенная на воду и нетонущая как по волшебству. Единственная вертикальная конструкция стояла слева, утыканная антеннами и радарными. Эрван вспомнил, что эта часть называется «замок». Название было придумано точное. Только неясно, что этот «замок» напоминал: бред Людвига II Баварского⁵³ или логово королевы из «Белоснежки». Цитадель, ошестинившаяся броневыми башнями и утыканная бойницами. Без малейшего признака жизни.

— Впечатляет, а?

Аршамбо, сидевший рядом с пилотом, повернулся к Эрвану. Тот улыбнулся, не желая разочаровывать его, но ночь, грохот лопастей, необъятность корабля — все это скорее вызывало ощущение, что он погружается в какой-то кошмар.

— Стрелки из боевого охранения нас встретят! — добавил Долговязый, прежде чем повернуться обратно.

Эрван покачал головой. Из наушников шлема в голову ввинчивался свист. Они были всего в нескольких метрах от палубы

корабля. Посадочную полосу заливал алый свет. Они нацелились прямо в гигантское море крови.

— С наступлением комендантского часа, — пояснил Ле Ган, — все огни переключаются на красный цвет. Даже вне зоны боевых действий на авианосце не должно быть ни одного белого огонька.

Подбежали люди в желтых плащах, оранжевых жилетах и голубых касках. Маневровщик открыл дверцу «дофина». Эрван расстегнул страховочный пояс и спрыгнул на землю.

Несмотря на капли, секущие глаза, он оглядел уходящую во мрак палубу. Ни одного самолета. Эрван невольно почувствовал разочарование. Так хотелось увидеть, как катапульта выстреливает «рафалями» или как «миражей» принимают тормозные тросы, а желтые псы кружат вокруг аппаратов, как секунданты вокруг боксеров между раундами.

Подошел офицер морской полиции. Приветствия, взаимные представления, предостережения. Под капюшонами лиц было

не видно. Эрван не понял ничего, что ему говорили. Каждое второе слово уносилось ветром или терялось в лязге.

Они сняли спасательные жилеты и двинулись к замку. Металлические двери распахнулись, звякнув, как подбитые гвоздями башмаки. Эрван представлял, что они окажутся в огромном ангаре, заполненном истребителями и вертолетами. Но перед ним открылся лабиринт узких коридоров, проходов и лестниц. Все было красным. Не только свет, но и сигнализация и спасательное оборудование.

Они вошли в первый лифт, потом во второй.

— В судне больше десяти ярусов, — уточнил офицер.

Все молчали, в этом шествии было нечто похоронное, торжественное. Дверь открылась с очередным металлическим лязгом. Обстановка, словно пронизанная пурпуром, напоминала раскаленную конструкцию, едва покинувшую плавильную печь.

Опять коридоры, трубопроводы, двери с поворотными механизмами. Навстречу шли

люди, говорившие в высокочастотные микрофоны что-то о «патруле» и «папе Чарли».

Офицер остановился перед дверью без всяких обозначений:

— Адмирал Ди Греко может уделить вам тридцать минут.

25

Жан-Патрик Ди Греко был ростом под два метра. В своей тесной каюте он походил на орла, загнанного в клетку для канарейки. Он был не просто высоким, а абсолютно вертикальным. Узкие плечи, бесконечно длинные руки, ноги как ходули. Лет шестидесяти, сутулый, он казался изношенным и усталым, так что впечатление складывалось тягостное, несмотря на его густые и черные, как у американского индейца, волосы.

Несколько секунд адмирал рассматривал посетителя, не говоря ни слова, — что позволило Эрвану углубить собственные

наблюдения. Лицо офицера состояло из одного костяка. Мало мускулов, еще меньше плоти. Выступающие скулы, нос с горбинкой, обведенные темными кругами глаза. Все это обтянуто желтоватой кожей, словно древним пергаментом.

Кратко представились друг другу. Эрван пристроил свой плащ на вешалку, наткнувшись по дороге на металлический шкаф. Пространство освещалось лишь маленькой лампой, стоящей на краю письменного стола. Вынужденная предосторожность: в каюте имелся выходящий наружу иллюминатор, а нарушать правила светомаскировки было недопустимо.

— Вы пришли поговорить со мной об этом прискорбном инциденте. Ди Греко знал толк в эвфемизмах. — Садитесь, — добавил он, протягивая длинную руку. — Прошу вас.

Эрван выбрал себе место в уголке для приемов: несколько квадратных метров занимал диванчик размером с раскладной стул и низкий столик не шире скейтборда. Вокруг громоздились стопки папок, скоросшивателей и коробок. Больше всего

это походило на кладовку.

Ди Греко, кажется, угадал его недоумение:

— На судне каждый сантиметр пространства на счету.

— Я не рискну представить себе каюту простых бойцов.

— Не меньше и не больше, только их там несколько. А главное, этой привилегии у них нет! — Он ткнул указательным пальцем в иллюминатор. — Здесь это равнозначно балкону или террасе... Очень сожалею. Мне нечего предложить вам выпить.

— Все нормально. Я не в гостях.

Ди Греко вернулся за письменный стол, хотя не без труда уместил там ноги. Эрван задумался, а был ли адмирал пилотом: он не понимал, как подобная верста могла влезть в кабину «миража».

Хозяин завел стандартную речь, сильно смахивающую на тираду Винка, только более торжественную. Голос его был серьезен, речь нетороплива, и ни одно слово не было заимствовано из военного жаргона. Но по сути, ничего нового: все те же пустые и бессодержательные заверения.

Эрван жестом остановил его — он был сыт по горло казенщиной — и вкратце изложил суть дела. Садистское убийство курсанта прямо на территории военного заведения. Тупое и жестокое «посвящение». Полное отсутствие связи между воздушно-морской школой и находящимся всего в нескольких километрах авианосцем. Общее безразличие по отношению к трагической смерти молодого человека, решившего посвятить свою жизнь армии.

Ди Греко не казался удивленным новостью об убийстве — Эрван был уверен, что ему уже доложили. Не выглядел он и слишком озабоченным многочисленными упущениями в работе школы.

— На данный момент какими уликами вы располагаете?

— Я не могу обсуждать это с вами.

Адмирал покачал головой. Лампа на столе подсвечивала его снизу, как в фильме ужасов.

— Вы, конечно же, думаете о линчевании. Испытание, которое плохо обернулось.

— Это самое малое, что можно сказать.

— Мы дали карт-бланш неконтролируемым

индивидуумам?

Эрван решил поддаться жару:

— Школа не только покрывала этих преступников — она их вдохновляла.

— Не понимаю.

— Я предчувствую, что в «Кэрвереке» обнаружится культ насилия и жестокости, который обострил садистские наклонности курсантов.

— У вас есть доказательства?

— Нет. Просто чутье.

— И кто, по-вашему, впрыснул этот яд?

— Вы.

— Я всего лишь начальник штаба «Кэрверека». Базой управляет полковник Винк.

— Винк управляет расписанием полетов. А вот вы воплощаете дух школы.

— Итак, я сам дьявол? — улыбнулся Ди Греко.

Эрван хотел было ответить, что внешнее сходство, безусловно, имеется, но предпочел промолчать. Его завораживали эти глаза с тяжелыми веками, обведенные угольно-черными кругами. «Мне знакомо это лицо»,

— мелькнуло у него в голове. Где он мог его видеть? Или дело только в сходстве с зомби из фильмов ужасов?

— Случались ли уже инциденты подобного рода в вашей школе?

— Нет.

— Драки? Всплески жестокости?

— Никогда.

— Даже во время посвящения?

— Тем более нет. В такие уик-энды все взвешенно, проверено и под контролем.

— Я это уже слышал много раз, а результат налицо.

— Имели место упущения. Виновных накажут. Но вы же сами понимаете, что риски сводятся к минимуму.

В каюте было слишком натоплено, Эрван задыхался. Пот тек по затылку, смешиваясь с каплями дождя, которые еще не высохли на воротнике.

— Вы отвечаете за всех своих бойцов?

— Разумеется.

— А за инструкторов? Курсантов? Срочников? Техобслужу?

— Каждый проходит психологические

тесты, собеседование. Повторяю, здесь более, чем где-либо, мы не можем себе позволить легкомысленно относиться к подбору бойцов.

Ди Греко говорил спокойно. И его взгляд, и голос выражали странную суровость. Даже от его фигуры в темно-синем кителе без каких-либо знаков различия веяло неким аскетизмом.

— Что вы думаете о Бруно Горсе?

— Он ваш подозреваемый?

— Ответьте на мой вопрос.

— Хороший военный. Отличный пилот.

— И садист. Горс руководит советом курсантов, — заметил Эрван. — Именно он в этом году разработал во всех деталях сценарий посвящения. В деле он исполнял роль ГП, главного палача.

Офицер скрестил длинные пальцы — его фаланги напоминали морские узлы.

— Допустим, что у лейтенанта своеобразный юмор. Это еще не делает его убийцей.

— Мне показалось, у него вполне конкретный пункт: так называемый

«беспредел».

— Такого испытания не существует.

— Так мне хором и твердят. Однако, стоит мне обронить это слово, все мгновенно накладывают в штаны.

— Оно не существует с точки зрения руководителей «Кэрверека». Лисы не обязаны о нем рассказывать, когда представляют начальству свой проект.

— Значит, вы признаете, что в вашей информации о деталях праздника имеется пробел?

— В этом году «беспредела» не было. Что вы на самом деле ищете?

Эрван встал и подошел к письменному столу.

— «Беспредел» позволяет курсантам доказать свою смелость и стойкость. Он является как бы апофеозом крестного пути. Полагаю, вы втайне учитываете его результаты, когда составляете характеристики своих курсантов.

Теперь поднялся Ди Греко. А Эрван вернулся на свое место. Вдвоем они исполняли странный танец. Их силуэты

перекрещивались на стене, как в театре теней.

— Открою вам один секрет, — вполголоса произнес адмирал. — Вы правы. На протяжении этого уик-энда мы тестируем пределы возможностей наших курсантов. Но не тех, кого вы думаете. Нам не требуется посвящение, чтобы знать, что наши будущие пилоты смелы и готовы выносить удары. Зато мы должны знать пределы других.

— Других?

— Лис. «Дедов», которые проводят посвящение.

В точку. Эрван почувствовал — и почувствовал физически, — как знаки, которым он следовал до сих пор, оборачиваются своей противоположностью. Словно он с самого начала ошибся в коде для дешифровки иероглифов.

— Вы слышали о тесте Милгрэма? — продолжил Ди Греко.

— Кое-что — да.

Стенли Милгрэм, американский психолог, в шестидесятых годах проводил знаменитый эксперимент. Он имитировал тестирование знаний человека, которому задавались

вопросы. При каждой ошибке другой подопытный посылал ему электрический разряд, все более сильный. На самом деле именно инструктор, тот, кто посылал разряды, и являлся объектом изучения, а другой был всего лишь актером, симулирующим мучения. Цель теста была понятна: выяснить, до какого предела жестокости может пойти человек, когда он прикрывается полученными приказами? Возможно ли убить кого-то под тем предлогом, что ты следуешь правилам?

Результаты теста Милгрэма оказались весьма прискорбны. Большинство испытуемых, если с них снимали ответственность, подчинялись вплоть до убийства. В глубине души они, без сомнения, наслаждались тем, что могут дать волю инстинктивной жестокости, оставаясь под защитой субординации. Тест стал научной демонстрацией того, что любая война доказывает на деле.

— Вы хотите сказать, что ваше посвящение действует так же, как тест Милгрэма?

— Именно. Я не могу вдаваться в детали,

но «деды» находятся под наблюдением все двадцать четыре часа. Изучаются их реакции, злоупотребления, садизм. Мы формируем в «Кэрвереке» элитных пилотов, а не истязателей. Мы не можем допустить, чтобы наши машины попали в руки людей неуравновешенных, способных при первом удобном случае поддаться своим порывам.

Теперь Эрван потел от стыда. Ему хотелось вернуться в свою комнату, принять душ и забиться под одеяло. *Доброго всем вечера.*

— Вам случалось исключать Лис?

— Иногда. Слишком усердных парней, которые выказали излишнюю склонность к жестокости или выходили из-под контроля.

— И что с ними произошло?

— Мы не отправляли их в Соединенные Штаты на третий год обучения. Их просто переводили на другие должности.

— Под каким предлогом?

— В мягкой форме. Они так никогда и не узнали, что своей дисквалификацией обязаны собственному поведению.

Полицейский посмотрел, как адмирал возвращается обратно за письменный стол и

запихивает под него свои голенастые ходули. И снова испытал чувство дежавю.

— Парадокс в том, — продолжил офицер, устроившись, — что если бы убийцей был действительно кто-то из курсантов, мы бы вычислили его к концу посвящения.

— Если бы вы получше следили за своими подопечными, жертв не было бы.

— Ни один мозг не может предвидеть всего. Иначе войны длились бы не больше нескольких дней.

Чтобы не потерять лицо, во всяком случае не потерять окончательно, Эрван уцепился за конкретные факты:

— Вы были в курсе назначенных на утро субботы маневров?

— У меня здесь кабинет, но я не руковожу штабом.

— Никому не пришло в голову, что в разгар посвящения эта операция содержала элементы риска?

— Напротив. «Уик-энд интеграции» ограничен территорией К76. Ни один боец не должен покидать пределы базы. Мы не назначили ни одного полета. Если и имелся